СЕРЕБРЯНОЕ СИРІЙСКОЕ БЛЮДО,

НАЙДЕННОЕ

ВЪ ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

№ 22

СТАТЬИ ПРОФ. **Д. А. ХВОЛЬСОНА**, ПРОФ. **Н. В. ПОКРОВСКАГО**

И

Я. И. СМИРНОВА.

981

СЪ ФОТОТИПИЧЕСКОЮ ТАБЛИЦЕЙ И 17 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

www.library.chersonesos.org

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

www.library.chersonesos.org

Оглавленіе.

	Предисловіе	I—II
I.	Записка заслуженнаго профессора Д. А. Хвольсона	1—3
II.	Записка проф. Н. В. Покровскаго	4—6
III.	Записка Я. И. Смирнова	7—44
	Поправки и дополненія	45

www.library.chersonesos.org

Въ началѣ 1898 года Предсѣдатель Пермской Ученой Архивной Коммиссіи, Н. Н. Новокрещенныхъ, лично доставилъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію для опредѣленія и описанія серебряное блюдо, полученное имъ въ Перми отъ солепромышленника И. П. Лаврова, собственность котораго оно и составляло; при его-же просвѣщенномъ содѣйствіи блюдо это пріобрѣтено было Коммиссіею отъ владѣльца для коллекцій Императорскаго Эрмитажа.

Письмомъ отъ 23 мая 1898 г. Н. Н. Новокрещенныхъ сообщилъ Коммиссіи, что онъ „получилъ увѣдомленіе отъ г. Лаврова, что дискосъ былъ найденъ около села Григоровскаго при распашкѣ пашни. Это въ Соликамскомъ уѣздѣ на С.-З. отъ Соликамска". Къ сожалѣнію время находки остается Коммиссіи неизвѣстнымъ. Въ виду того, что и по характеру изображеній на блюдѣ этомъ и по находящимся на немъ древнимъ сирійскимъ надписямъ новое пріобрѣтеніе Археологической Коммиссіи представляетъ самый живой интересъ для археологической науки, Коммиссія озаботилась о скорѣйшемъ опубликованіи этого любопытнаго памятника, не ожидая выхода въ свѣтъ предпринятаго ею общаго изданія серебряныхъ сосудовъ восточной работы, найденныхъ въ Сѣверо-Восточной Россіи.

По вызову Предсѣдателя Коммиссіи проф. Д. А. Хвольсонъ исполнилъ трудъ прочтенія и объясненія сирійскихъ надписей, проф.

www.libraryhersonesos.org

Н. В. Покровскій доставилъ описаніе иконографическихъ изображеній и прив. доц. Я. И. Смирновъ представилъ подробное описаніе блюда и сравненіе его съ соотвѣтственными памятниками искусства греческаго и восточнаго; такимъ образомъ составился предлагаемый выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Россіи“.

Императорская Археологическая Коммиссія считаетъ своею обязанностью принести искреннюю свою благодарность означеннымъ лицамъ за любезную отзывчивость ихъ къ ея просьбѣ и, особенно, Н. Н. Новокрещенныхъ, которому Коммиссія обязана уже нѣсколькими весьма цѣнными своими пріобрѣтеніями въ Пермскомъ Краѣ.

www.library.chersonesos.org

Рис. 1. Увеличенный втрое оттискъ рѣзнаго камня Національной Библіотеки въ Парижѣ (№ 1331[a]).

I.

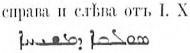
Записка заслуженнаго проф. Д. А. Хвольсона.

Предоставляя спеціалистамъ опредѣленіе древности этого памятника съ чисто *археологической* точки зрѣнія, я ограничиваюсь преимущественно разсмотрѣніемъ *палеографической* стороны этого вопроса. Опредѣлить положительно степень древности какого-нибудь памятника на основаніи однихъ только палеографическихъ данныхъ, чрезвычайно трудно. Такъ напр. буква ܗ (h) въ письмѣ эстрангело, образовавшаяся изъ арамэйскаго ܗ (h), *палеографически* несомнѣнно древнѣе іаковитской буквы ܗ (h), а между тѣмъ первая встрѣчается *еще* въ XIV и XV стол., тогда какъ послѣдняя попадается *уже* въ концѣ V-го вѣка. Тутъ важнѣе всего то, *что* писалось. При писаніи священныхъ книгъ часто употреблялись еще въ XV-мъ и XVI-мъ стол. болѣе древнія формы письменъ, при чемъ разница между древними и нѣсколько позднѣйшими нерѣдко весьма незначительна, хотя и замѣтна для опытнаго глаза. Иное дѣло было писаніе свѣтскихъ сочиненій. Такъ напр. характеръ письма въ какой-нибудь книгѣ чрезвычайно отличается отъ характера письма *приписи переписчика.* По этому *точное* опредѣленіе степени древности отдѣльной надписи, не принадлежащей ни къ священной, ни къ свѣтской литературѣ, довольно затруднительно. Относительно формы письменъ на нашемъ памятникѣ можно сказать довольно смѣло слѣдующее: она представляетъ старинное *эстрангело* и болѣе всего подходитъ подъ характеръ письменъ сирійскихъ рукописей конца V-го и начала VI-го столѣтія.

Содержаніе надписей слѣдующее:

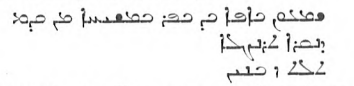
www.library.chersonesos.org

I. Надпись у верхняго изображенія, справа и слѣва отъ І. Христа:



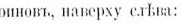
«Вознесеніе Христа».

II. Надпись къ изображенію ап. Петра на верху справа:



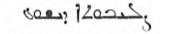
«Симонъ Петръ, отрекающійся отъ Христа прежде, чѣмъ пѣтухъ трижды прокѣлъ».

III. Надпись при изображеніи трехъ воиновъ, наверху слѣва:



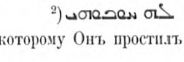
«Воины, охраняющіе могилу».

IV. Надпись, помѣщенная слѣва и справа отъ изображенія Распятія І. Христа:



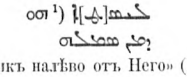
«Распятіе Христа».

V. Надпись къ изображенію, помѣщенному налѣво отъ І. Христа:



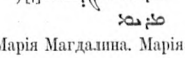
«Разбойникъ, которому Онъ простилъ грѣхи его».

VI. Надпись при изображеніи направо отъ І. Христа:



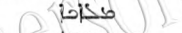
«Разбойникъ налѣво отъ Него» (Христа).

VII. Надпись надъ изображеніемъ двухъ женщинъ:



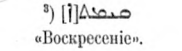
«Марія Магдалина. Марія».

VIII. Надпись надъ изображеніемъ ангела:



«Ангелъ».

IX. Надпись въ могилѣ:



«Воскресеніе».

---

[1]) начертано неправильно съ послѣ буквы Почему здѣсь пропущено, не умѣю сказать.

[2]) См. Еванг. отъ Луки XXIII, 43. Здѣсь впрочемъ прямо не сказано, что самъ Христосъ простилъ разбойнику грѣхи его, но въ этой надписи слово можетъ относиться только къ Христу и должно быть понято въ активномъ смыслѣ.

[3]) Здѣсь буква очевидно пропущена по недостатку мѣста.

www.library.chersonesos.org

X. Надпись надъ изображеніемъ льва справа:

ܠܐ

«Левъ».

XI. Надпись надъ изображеніемъ льва слѣва:

«Даніилъ»,

ܕܢܐܠ

т. е. весь рисунокъ изображаетъ Даніила во рву львиномъ.

Въ приписяхъ встрѣчаются *всѣ* буквы сирійскаго алфавита — за исключеніемъ конечной буквы *каф.*; нѣкоторыя буквы, напр. *olaf*, *jod.* и др., неоднократно встрѣчаются въ болѣе или менѣе различающихся между собою, но все-таки старинныхъ формахъ. Я подробно изслѣдовалъ каждую отдѣльную букву въ различныхъ ея формахъ и тщательно сравнилъ ихъ съ таблицами Ланда [1]), Райта [2]) и Эйтинга [3]). Нѣкоторыя буквы, какъ напр. ܣ, *с*, представляютъ такія формы, которыя нигдѣ болѣе нельзя отыскать, но все-же имѣютъ античный видъ. Весьма обычныя вообще сочетанія здѣсь очень неполны, а діакритическихъ точекъ надъ буквами ܕ и ܪ (*д* и *р*) тутъ вовсе нѣтъ, какъ и въ *древнѣйшихъ* сирійскихъ рукописяхъ. Нѣкоторыя формы олафа я нашелъ только въ изданной проф. Захау надписи Зебедской 512-го года [4]). Сомкнутая справа буква *бабъ* и сомкнутая слѣва буква *he*, равно какъ примыкающая къ слѣдующей буква ܣ *с*, еще не встрѣчающіяся въ такомъ видѣ въ древнѣйшей сирійской рукописи 411-го года, попадаются однако уже въ концѣ V-го и началѣ VI-го столѣтія. Впрочемъ способъ сочетанія буквы ܣ съ слѣдующею буквою ܒ (т. е. ܒܣ, а не ܣܒ) точно такой-же, какъ въ рукописи 464-го года [5]).

Христіанство проникло въ Персію очень рано. По актамъ персидскихъ мучениковъ первое значительное преслѣдованіе христіанъ въ сасанидскомъ царствѣ произошло при Шапурѣ II-мъ, около 318-го года [6]). Одинъ изъ важнѣйшихъ сирійскихъ отцовъ церкви Аѳраатъ, прозванный «Персидскимъ мудрецомъ», былъ современникъ Шапура II-го. Нѣсколько персидскихъ епископовъ принимало участіе къ Никейскомъ соборѣ. Мервъ уже съ 334-го года былъ мѣстопребываніемъ епископа [7]). Съ 431-го года, когда ученіе Несторіанское подверглось проклятію, большая часть многочисленныхъ приверженцевъ его удалилась въ Персію, гдѣ численность и вліяніе ихъ постепенно очень усилились.

Съ археологической точки зрѣнія обращаю еще вниманіе на то, что ноги Распятаго Христа помѣщены *рядомъ*, а *не одна на другой*, и изображены безъ гвоздей. Во всякомъ случаѣ это изображеніе можетъ считаться однимъ изъ *древнѣйшихъ* изображеній Распятія Христа [8]). Форма письменъ не противорѣчитъ этому.

---

[1]) J. P. N. Land, Anecdota Syriaca, I, табл. A, B, и I—XXIV. Leiden, 1862. Ср. тамъ-же стр. 62 и слѣд.

[2]) W. Wright, Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum. Часть III, табл. I—XVII. London, 1872. Ср. тамъ-же стр. XXIX и слѣд.

[3]) См. Эйтингову таблицу письменъ, приложенную къ моему сочиненію «Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie». St. Petersburg, 1890.

[4]) См. составленную Эйтингомъ таблицу, столб. 74.

[5]) Ср. Wright, loc. laud. Табл. II, столб. 1, строка 18 и столб. 2, строки 8, 17 и 24.

[6]) См. Georg Hoffmann, Auszüge aus syrischen Acten persischer Märtyrer, стр. 9 и слѣд. Leipzig, 1880.

[7]) См. стр. 106 моего сочиненія, указаннаго въ 3-мъ примѣчаніи.

[8]) См. Heinrich Detzel, Christliche Ikonographie, I, стр. 394 и слѣд. Freiburg i. Br. 1894.

Рис. 2. Миніатюра сирскаго Евангелія Раввулы 586 года по Р. Х.

II.

Записка проф. Н. В. Покровскаго.

Со стороны иконографической разсматриваемый памятникъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ металлическихъ произведеній отдаленной эпохи христіанскаго искусства. По этой сторонѣ онъ стоитъ въ близкой связи съ древнѣйшими попытками — установить ясныя и точныя иконографическія формы для выраженія распятія, воскресенія и вознесенія І. Христа на небо. Наличность памятниковъ искусства, до насъ дошедшихъ, даетъ видѣть, что указанные моменты Евангельской исторіи, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, первыхъ четырехъ столѣтій, не находили яснаго и точнаго выраженія въ искусствѣ: первыя попытки его, не вполнѣ еще опредѣленныя, встрѣчаемъ лишь въ V—VI в. въ равеннскихъ мозаикахъ и въ скульптурѣ дверей Сабины въ Римѣ, ампулъ Монцы и аворіевъ. Нашъ памятникъ не можетъ быть признанъ оригинальнымъ произведеніемъ художественнаго творчества, пролагающимъ новые пути въ художественной исторіи; наоборотъ, онъ представляетъ собою подражаніе готовому образцу, лишь съ нѣкоторыми отступленіями. Вся внутренняя поверхность блюда симметрично раздѣлена на три главныя части, на которыхъ въ трехъ связанныхъ между собою медальонахъ представлены распятіе І. Христа, воскресеніе Его и вознесеніе на небо. Иконографическій анализъ этихъ изображеній даетъ намъ основаніе ввести ихъ въ историческую связь съ однородными явленіями древности и поможетъ освѣщенію вопроса объ иконографическихъ прототипахъ нашего памятника.

Распятіе І. Христа представлено въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ оно является на памятникахъ V—VI в. І. Христосъ въ длинной, украшенной шахматнымъ орнаментомъ, туникѣ; руки Его протянуты горизонтально; креста, къ которому Онъ пригвожденъ, не видно; но ясно замѣтна крестообразная перевязка на груди съ откинутыми назадъ концами: она указываетъ на прикрѣпленіе тѣла І. Христа ко кресту, какъ это мы видимъ нерѣдко на распятыхъ съ І. Христомъ разбойникахъ въ памятникахъ византійскихъ. Ноги Его утверждены на горизонтальномъ подножіи. Типъ лица, повидимому, близокъ къ сирійскому, глаза Распятаго открыты, какъ это обычно въ древнихъ памятникахъ византійскихъ; голова украшена золотымъ нимбомъ. По сторонамъ І. Х. два разбойника, также въ длинныхъ туникахъ, съ перевязками на груди, стоятъ на подножіяхъ: одинъ изъ нихъ смотритъ на распятаго І. Христа; это, очевидно, благоразумный разбойникъ. Возлѣ креста — два воина: одинъ подноситъ къ лицу І. Х. на древкѣ губку съ оцтомъ, другой держитъ въ рукахъ копье, — указаніе на прободеніе ребра І. Христа. Внизу сцены сидятъ два воина съ булавами въ рукахъ; жестикуляція ихъ, обычно повторяющаяся на памятникахъ византійскихъ, показываетъ, что они дѣлятъ между собою одежды Распятаго: быть можетъ, здѣсь представлена «morra», какъ въ сирскомъ Евангеліи Раввулы и на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Одежда всѣхъ воиновъ — та же самая длинная туника. Типическія формы этого изображенія свидѣтельствуютъ о глубокой древности памятника; таковы одежды распятаго І. Х. и разбойниковъ [1]), suppedaneum и наконецъ уменьшеніе второстепенныхъ фигуръ по сравненію съ главною, какъ это можно наблюдать въ скульптурѣ древнехристіанскихъ саркофаговъ.

Воскресеніе І. Христа. Тѣ формы воскресенія, которыя выработаны были въ Византіи (сошествіе І. Х. во адъ) и на западѣ (вылетъ изъ гроба) въ позднюю эпоху среднихъ вѣковъ, совсѣмъ неизвѣстны были въ искусствѣ древне-христіанскомъ. Скульптура диптиховъ и таблетокъ изъ слоновой кости устанавливаетъ тотъ самый типъ воскресенія, который мы видимъ и на разсматриваемомъ памятникѣ; это явленіе ангела св. женамъ у гроба І. Х. Гробница, какъ на нѣкоторыхъ ампулахъ Монцы, имѣетъ видъ небольшого зданія, съ двускатнымъ покрытіемъ; въ глубинѣ ея изображенъ четвероконечный крестъ съ расширенными концами, какъ въ мозаикахъ и на наружныхъ стѣнахъ Софіи Константинопольской; направо ангелъ съ крыльями и булавою, въ туникѣ, возвѣщаетъ св. женамъ о воскресеніи І. Х.; налѣво двѣ св. жены съ сосудами въ рукахъ, какъ на ампулахъ Монцы, въ туникахъ и мафоріяхъ. Незначительность пространства помѣшала мастеру развернуть задуманную сцену во всей ея широтѣ, а потому часть дѣйствующихъ лицъ онъ помѣстилъ внѣ круга: здѣсь мы видимъ двухъ стражей, упавшихъ отъ страха на колѣна, въ туникахъ, съ булавами въ рукахъ.

Вознесеніе І. Х. на небо. Спаситель въ туникѣ и иматіи, изображенномъ въ формахъ условныхъ, въ ореолѣ въ видѣ неправильнаго овала, составленнаго, повидимому, изъ древесныхъ вѣтвей. Ореолъ поддерживается четырьмя ангелами. Вверху звѣздное небо, въ видѣ сегмента круга, съ серповидною луною; внизу 12 апостоловъ въ туникахъ и иматіяхъ условной формы. Какъ цѣльная композиція, такъ и составные элементы ея напоминаютъ обычный типъ изображенія Вознесенія на ампулахъ Монцы и на многочисленныхъ памятникахъ византійскихъ. По сосѣдству съ нимъ представлено отреченіе ап. Петра: апостолъ изображенъ въ туникѣ и условномъ иматіи, а нѣтухъ имѣетъ геральдическую форму. Внизу между распятіемъ и воскресеніемъ — Даніилъ во рвѣ львиномъ: Даніилъ — юноша въ условномъ костюмѣ; львы также трактуются здѣсь совершенно въ условномъ стилѣ. Изображеніе это можетъ быть истолковано въ смыслѣ символа смерти и воскресенія І. Х. [2]), а отсюда становится понятнымъ и его мѣстоположеніе возлѣ распятія и воскресенія. Въ центрѣ блюда, между тремя кругами, представленъ четвероконечный крестъ съ расширенными концами, какъ нерѣдко на памятникахъ византійскихъ и на другомъ пермскомъ блюдѣ изъ собранія графа Строганова.

Древность разсматриваемаго памятника опредѣляется, между прочимъ, и признаками иконографическими. Распятіе — Спаситель и разбойники одѣты въ длинныя туники и своими статуарными

---

[1]) Н. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 360—361.

[2]) Н. Покровскій, Очерки памятниковъ иконографіи и искусства, стр. 44.

позами напоминаютъ эпоху упадка древне-христіанской скульптуры. Сцена воскресенія трактуется тождественно съ представленіемъ этого сюжета въ скульптурѣ аворіевъ. Отреченіе ап. Петра также напоминаетъ скульптуру саркофаговъ и аворіевъ [1]). Изображеніе Даніила во рвѣ львиномъ рядомъ съ распятіемъ и воскресеніемъ представляетъ эхо древне-христіанскаго символизма. Считаемъ излишнимъ подкрѣплять эти пополненія ссылками на извѣстные памятники, но не можемъ оставить безъ вниманія еще одну сторону дѣла. Присматриваясь къ подбору изображеній и трактованію сюжетовъ на разсматриваемомъ памятникѣ, нельзя не замѣтить, что съ той и другой стороны онъ близко подходитъ къ ампуламъ Монцы. Какъ на блюдѣ мы видимъ три главныхъ изображенія — распятія, воскресенія и вознесенія, такъ тѣ же самыя изображенія обычно повторяются и на ампулахъ [2]). На ампулахъ — изображенія заключены въ медальонныя рамки, примѣнительно къ формѣ самыхъ ампулъ, точно въ такихъ же рамкахъ они представлены и на нашемъ блюдѣ. Сцена распятія на ампулахъ трактуется обычно такимъ образомъ: въ срединѣ четвероконечный крестъ и надъ нимъ погрудное изображеніе I. X. въ медальонѣ (распятіе прикровенное); по сторонамъ два разбойника, привязанные къ крестамъ: позы ихъ по большей части тѣ же, что и на блюдѣ; оба обращаютъ лицо въ правую сторону отъ зрителя, какъ и на блюдѣ; у подножія креста два стража, въ такихъ же позахъ какъ на блюдѣ. На нашемъ памятникѣ выражена съ большею реальностью (распятый I. X. на крестѣ) и полнотою (воины съ копьемъ и губкою) средина изображенія. — Въ воскресеніи: гробница I. X. въ видѣ маленькаго зданія, — иногда съ колоннами и куполомъ, иногда въ видѣ будки, какъ и на нашемъ блюдѣ; двери гробницы тамъ и здѣсь представляютъ подобіе желѣзной рѣшетки [3]); по правую отъ зрителя сторону тамъ и здѣсь ангелъ съ жезломъ, въ родѣ булавы, а по лѣвую двѣ св. жены съ сосудами въ рукахъ; стражей на ампулахъ нѣтъ, но и на блюдѣ они не связаны неразрывно съ композиціею воскресенія, а помѣщены на нихъ для симметріи съ отреченіемъ ап. Петра. Вознесеніе: Спаситель въ ореолѣ, поддерживаемомъ четырьмя ангелами; внизу 12 апостоловъ и Богоматерь: на нашемъ блюдѣ нѣтъ Богоматери, но прибавлено — небо. Столь замѣтное и разностороннее сходство между разсматриваемыми памятниками едва-ли можно признать простою случайностію. Вѣрнѣе — видѣть здѣсь слѣды иконографическаго преданія, идущаго изъ одного и того же источника. Ампулы Монцы, если не придавать важнаго значенія мнѣнію перваго издателя ихъ Фризи и нѣкоторыхъ другихъ о *римскомъ* происхожденіи ихъ [4]), вышли изъ Палестины: прямое указаніе на то находится въ ихъ греческихъ надписяхъ «Благословеніе святыхъ мѣстъ Христовыхъ.... Елей древа жизни св. мѣстъ».... Возможно предполагать, что мастеръ, изготовлявшій наше блюдо, если не нашелъ подъ руками одной изъ подобныхъ ампулъ, то зналъ ихъ рисунокъ и перенесъ его на блюдо; а потому время происхожденія ампулъ (VI в.) можетъ быть признано показателемъ приблизительной древности и нашего блюда. Изготовлено-ли это блюдо въ Палестинѣ или въ предѣлахъ нынѣшней Персіи, опредѣлить съ точностію трудно; впрочемъ, въ виду значительныхъ слѣдовъ варварскаго стиля на немъ, вѣрнѣе кажется, послѣднее.

---

[1]) Garrucci, Storia dell' arte cristiana. vol. V, passim. Cf. Odorici, Antichita di Brescia, tav. V.
[2]) Garrucci, tav. 433, 8. 434, 2, 4, 5, 7. 435, 1.
[3]) Надъ дверями и надъ зданіемъ — крестъ и надпись «ανηστη ο κυριος» какъ и на блюдѣ.
[4]) Frisi, Memorie storiche di Monza t. I, p. 26. Stockbauer, Kunstgeschichte d. Kreuzes. S. 145—146.

www.library.chersonesos.org

Рис. 3. Серебряное блюдо гр. Гр. С. Строганова въ Римѣ.

III.

Записка Я. И. Смирнова.

Издаваемое теперь блюдо [1]) принадлежитъ къ числу многочисленныхъ серебряныхъ блюдъ и иныхъ сосудовъ, столь часто находимыхъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, куда они занесены были по Волгѣ и ея притокамъ изъ Персіи и Месопотаміи въ обмѣнъ на мѣха, которыми арабскіе купцы вели, какъ извѣстно, оживленную торговлю, главнымъ центромъ которой былъ городъ Булгаръ. Изъ множества находокъ этого рода, лишь немногія издѣлія вышли изъ греческихъ мастерскихъ, огромное же большинство восточной работы; древнѣйшія восходятъ ко временамъ Сасанидовъ, новѣйшія — приблизительно до XIII вѣка, но точно опредѣлены по времени могутъ быть весьма немногія: одни по изображеніямъ персидскихъ царей изъ династіи Сасанидовъ, если только ихъ удается опредѣлить, другія по арабскимъ надписямъ, если въ нихъ имѣются какія-либо историческія данныя, что́ бываетъ рѣдко. Эпитетъ «сасанидскихъ» прилагается къ большинству находокъ этихъ не всегда съ должною точностью: ни общее сходство стиля съ сасанидскими памятниками, ни даже присутствіе пехлевійскихъ надписей, недостаточны сами по себѣ для отнесенія того или другого блюда ко временамъ Сасанидовъ; нѣкоторые изъ такихъ издѣлій могли быть изготовлены и во времени арабскаго уже владычества, въ первые вѣка его, когда искусство Месопотаміи и Персіи было еще прямымъ продолженіемъ искусства сасанидскаго и когда пехлевійское письмо не было еще окончательно вытѣснено арабскимъ. Такимъ образомъ для опредѣленія времени каждаго изъ такихъ издѣлій необходимо тщательное

[1]) Вѣсъ 2 ф. 38 зол.; діаметръ 0,220—0,222 м.; глубина около 0,027; діаметры трехъ круговъ 0,094—0,095; ширина ихъ бордюра 0,003—0,004; ширина выпуклаго бордюра по краю 0,007—0,008; діаметръ ножки 0,087—0,088; высота ея 0,011; толщина пластины, изъ которой она согнута 0,004—0,0035.

сравненіе его съ несомнѣнными сасанидскими памятниками и немногочисленными сохранившимися произведеніями искусства первыхъ вѣковъ арабскаго владычества въ Передней Азіи, но этотъ методъ стилистическаго сравненія можетъ давать прочные результаты только въ вещахъ художественной работы, въ подѣлкахъ же грубо ремесленныхъ онъ можетъ быть полезенъ лишь тогда, когда имѣются на лицо иные, точно датированные, памятники тождественной работы.

Крайнее несовершенство въ художественномъ отношеніи изображеній издаваемаго нынѣ блюда не позволяетъ строить какія-либо хронологическія заключенія изъ сравненія его съ иными восточными блюдами, среди которыхъ не оказывается ни одного совершенно тождественной съ нимъ работы.

Если палеографическія и иконографическія данныя приводятъ спеціалистовъ къ заключенію о принадлежности блюда этого началу VI вѣка [1]), то для насъ такое хронологическое опредѣленіе является только лишнимъ примѣромъ того, до какой степени низко стояли художественныя достоинства работы какихъ-либо неудачныхъ или провинціальныхъ мастеровъ въ то самое время, когда изъ другихъ рукъ и изъ другихъ мѣстъ выходили весьма совершенныя художественныя издѣлія.

Примѣромъ таковыхъ здѣсь весьма умѣстно будетъ привести извѣстное серебряное блюдо гр. Гр. С. Строганова, найденное также въ С.-В. Россіи, занесенное туда также изъ Месопотаміи или Персіи, и изготовленное также вѣкѣ въ VI-омъ руками не греческаго, на нашъ взглядъ, мастера (см. рис. 3) [2]): послѣднее можетъ быть доказываемо отсутствіемъ на этомъ блюдѣ греческихъ штемпелей, страннымъ, не находящимъ себѣ аналогій въ современныхъ ему чисто греческихъ памятникахъ, типомъ лицъ, и одною особенностью въ деталяхъ одежды, которую едва-ли допустилъ бы греческій мастеръ: двѣ вертикальныхъ полосы (т. н. στίχοι) на хитонѣ ошибочно продолжаются и поперекъ гиматія; наконецъ, исполненіе изображеній рѣзьбою изъ металла, а не чеканкою, также сближаетъ технику этого блюда съ работами сасанидской Персіи. Имѣя такимъ образомъ два приблизительно одновременныхъ издѣлія, исполненныхъ, вѣроятно, въ предѣлахъ сасанидской монархіи христіанами-сирійцами, мы должны и то и другое считать копіями съ греческихъ оригиналовъ, но, тогда какъ художникъ, исполнявшій блюдо гр. Гр. С. Строганова, держался оригинала своего очень близко и поэтому копія его почти вполнѣ можетъ замѣнить греческій оригиналъ, мастеръ нынѣ издаваемаго блюда не только исказилъ своей варварской работой тѣ греческіе оригиналы, — а, можетъ быть, уже и сирійскія же имъ подражанія, — съ которыхъ онъ работалъ, но и внесъ во многихъ случаяхъ отдѣльныя детали, заимствованныя имъ изъ искусства сасанидскаго, каковыя мы и попытаемся указать ниже.

Блюдо это представляетъ, слѣдовательно, не точную копію съ греческаго оригинала, а переработку его сирійскимъ мастеромъ на персидской почвѣ и потому оно, если и не имѣетъ никакого художественнаго достоинства, то получаетъ особый историческій интересъ, и притомъ не только для исторіи сирійскихъ христіанъ, но и для исторіи греческой иконографіи, такъ какъ нѣкоторыя изъ его изображеній, какъ увидимъ ниже, представляютъ весьма интересныя уклоненія отъ извѣстныхъ нынѣ памятниковъ.

По характеру работы блюдо это тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ тѣмъ произведеніямъ восточной торевтики, о которыхъ упоминалось выше, но въ виду отсутствія техническаго различія между работами послѣднихъ вѣковъ господства Сасанидовъ и первыхъ вѣковъ арабскаго владычества никакіе болѣе точные выводы о времени исполненія этого блюда на основаніи пріемовъ его работы возможными намъ не представляются.

Сохранилось блюдо очень хорошо; при доставкѣ его въ Археологическую Коммиссію нижній край былъ загнутъ внутрь и сгибъ шелъ по нижнему контуру лѣваго льва, но это поврежденіе исправлено въ ювелирной мастерской г. Фаберже. Круглое отверстіе, пробитое, какъ на всѣхъ почти находимыхъ въ С.-В. Россіи блюдахъ, у верхняго края, приходится немного правѣе вертикальной оси композиціи: блюдо, будучи повѣшено, висѣло-бы нѣсколько криво, почему отверстіе это и должно считать

---

[1]) См. выше статьи проф. Д. А. Хвольсона и проф. Н. В. Покровскаго.

[2]) Блюдо это издаваемо было многажды. См. G. B. de Rossi, Bulletino di archeologia cristiana 1871, tav. IX, fig. 1. Garrucci, Storia dell'Arte cristiana tav. 460, fig. 10. Русскія древности, изд. гр. И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Вып. IV, рис. 166.

позднѣйшею порчею блюда уже при-уральскими инородцами. Царапины не образуютъ ни какихъ-либо надписей, ни рисунковъ, которыми эти позднѣйшіе владѣльцы часто украшали по своему вкусу заходившія къ нимъ блюда разнаго происхожденія. На нижней сторонѣ блюда, внутри круга, образуемаго ножкой, замѣтно, что значительная часть металла соскоблена ножемъ. Цвѣтъ поверхности его въ этой части ничѣмъ не отличается однако отъ прочей. Слѣдовательно, если это слѣды взятія серебра для пробы, то сдѣлано это, — а слѣдовательно и само блюдо найдено, — было давно. Хотя брать пробу здѣсь, внутри высокихъ краевъ ножки, если она тогда была еще на мѣстѣ, и было бы менѣе удобно, чѣмъ гдѣ-либо съ краю, но такое объясненіе этого поврежденія кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе, — также возможное, — о томъ, какъ здѣсь выскоблена была еще въ древности надпись прежняго владѣльца блюда при переходѣ его въ другія руки. Надписи этого рода очень часто помѣщаются внутри ножки: ихъ или нацарапывали или накалывали точками. На одномъ сасанидскомъ блюдѣ, въ South Kensington Museum въ Лондонѣ, ясно видно, что одна такая надпись была соскоблена и замѣнена другою. Но предполагать то-же для этого блюда едва-ли есть достаточно основаній: отсутствіе надписи новаго владѣльца дѣлало бы безцѣльнымъ уничтоженіе прежней надписи, а кромѣ того надпись, особенно же наколотую точками, выскоблить безслѣдно не легко и слѣды ея наѣрное сохранились бы.

Блюдо состоитъ изъ одной толстой пластины, которой, вѣроятно, при помощи чеканки придана желаемая вогнутость, и ножки, припаянной снизу.

Ножка эта образуется, какъ и у прочихъ блюдъ такого рода, толстою серебряной полосой, согнутой въ кольцо, со спаянными концами, и припаяна къ блюду ребромъ, но непрочно, а потому теперь и отпала. Отличается отъ прочихъ она тѣмъ, что лицевая ея сторона не плоская, а имѣетъ особую волнистую профилевку (см. рисунокъ блюда сбоку на таблицѣ).

Какъ у большинства блюдъ этой формы, украшена только внутренняя, вогнутая сторона блюда. Хотя фигуры выступаютъ такъ рѣзко, что производятъ на взглядъ впечатлѣніе плоскаго рельефа, но онѣ имѣютъ въ сущности ту-же толщину, какъ и фонъ около нихъ, отъ котораго онѣ такъ рѣзко выдѣляются, и только нѣкоторыя немногія части, а именно выпуклый бордюръ и головы важнѣйшихъ фигуръ[1]), возвышаются надъ этой общей плоскостью блюда. Какимъ образомъ достигнуто утолщеніе это, мы себѣ вполнѣ объяснить не можемъ. Едва-ли можно думать, что толщина металла въ этихъ выступающихъ мѣстахъ указываетъ на первоначальную толщину всей пластины, съ которой затѣмъ часть металла на всемъ остальномъ пространствѣ была срѣзана, такъ какъ столь кропотливый пріемъ не соотвѣтствовалъ бы ремесленной грубости всей работы. Потому-же, а равно и по отсутствію неизбѣжныхъ назовъ, нельзя предполагать, что возвышенія эти образованы особыми, вставленными заранѣе вырѣзанныя гнѣзда, пластинками, какъ то бываетъ на сасанидскихъ блюдахъ особенно тщательной работы. Нѣтъ основаній предполагать чеканку съ обратной стороны блюда, такъ какъ поверхность ея сплошь гладкая. Что эти выступы получены отливкою блюда въ форму — мало вѣроятно потому, что тогда сдѣланы были бы рельефными, вѣроятно, и всѣ фигуры сплошь, какъ напримѣръ на одномъ сасанидскомъ блюдѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ[2]); предполагать же припайку въ этихъ мѣстахъ особыхъ пластинокъ невозможно, какъ потому, что не видно никакихъ слѣдовъ ея, такъ и потому, что мастера, дѣлавшіе блюда этого рода, припайкою владѣли довольно плохо: у большей части блюдъ ножки припаяны или очень грубо или очень непрочно и потому поотскакивали. Остается, слѣдовательно, предполагать, что металлъ въ эти возвышающіяся мѣста нагнанъ былъ чеканкою съ прилежащихъ частей.

Всѣ же остальныя изображенія достигнуты несомнѣнно лишь рѣзьбою и чеканкой съ лицевой,

---

[1]) Семнадцать человѣческихъ головъ и двѣ львиныя; головы же двѣнадцати апостоловъ, двухъ воиновъ, сидящихъ подъ крестомъ, и нѣтуха рельефности не имѣютъ, нисколько не возвышаясь надъ плоскостью самихъ фигуръ и фона.

[2]) Aspelin, Antiquités du Nord finno-ougrien. L'âge de fer, fig. № 609; Gazette Archéologique. 1885, pl. 33; E. Babelon, Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale. Choix des monuments, pl. XLVIII; Русскія Древности, изд. гр. И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Вып. III, рис. 85.

вогнутой стороны блюда. Контуры важнѣйшихъ частей рисунка рѣзко обозначены глубоко вырѣзанными чертами, на наклонныхъ краяхъ которыхъ ясно видны слѣды рѣзца. Такимъ способомъ всѣ фигуры такъ-же рѣзко выдѣляются на фонѣ, какъ если бы онѣ выступали въ плоскомъ рельефѣ, хотя на ощупь ясно, что по бо́льшей части поверхность ихъ и окружающаго фона образуютъ одну общую вогнутую поверхность блюда. Только указанныя выше части (головы) возвышаются немного надъ этою общею плоскостью, да въ немногихъ лишь мѣстахъ и на небольшихъ пространствахъ фонъ оказывается слегка углубленнымъ противъ поверхности фигуръ, что достигнуто или снятіемъ его рѣзцемъ или же болѣе энергичной въ этихъ мѣстахъ чеканкой. Контуры сирійскихъ надписей вырѣзаны, повидимому, тѣмъ-же самымъ грубымъ рѣзцомъ, какъ контуры и нѣкоторыя детали фигуръ. Такъ какъ, несмотря на глубину вырѣзанныхъ широкихъ контуровъ рисунка и, слѣдовательно, на тонкость слоя металла между поверхностью обратной стороны блюда и наиболѣе углубленными частями контуровъ этихъ, никакого отраженія ихъ, въ видѣ мелкихъ выступающихъ линій, на обратной, выпуклой поверхности блюда не замѣчается, то мнѣ кажется, что поверхность эта гладко отшлифована была уже послѣ этой работы рѣзцемъ и чеканомъ надъ контурами. Шлифовка же эта произведена была, повидимому, при помощи вращенія блюда на какомъ-либо подобіи токарнаго станка, какъ это видно по двумъ глубокимъ точкамъ, находящимся на этомъ блюдѣ, — какъ и на большинствѣ прочихъ,—въ центрѣ и лицевой и оборотной сторонъ. На выпуклой сторонѣ, хотя и очень гладко отшлифованной, замѣтны однако ряды узкихъ концентрическихъ полосъ: по всей вѣроятности слѣды чеканки, которою придана была серебряной пластинѣ желаемая выпуклость блюда. Три круга на вогнутой сторонѣ вырѣзаны были на глазъ, безъ помощи циркуля, какъ то видно по легкимъ неправильностямъ ихъ и по не вездѣ одинаковой ширинѣ образующихъ ихъ бордюровъ.

Послѣ шлифовки многочисленныя детали исполнены были различными пунсонами и болѣе тонкою рѣзьбою рѣзцемъ.

Этотъ способъ обозначенія деталей, оказывающійся иногда вовсе не подходящимъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, постоянно примѣняется и на сасанидскихъ издѣліяхъ изъ серебра. На описываемомъ блюдѣ примѣнены пунсоны въ видѣ кружковъ четырехъ величинъ и, повидимому, полукруговъ двухъ величинъ. Точки же, судя по ихъ неправильной формѣ, наколоты были просто остріемъ ножа или рѣзца, а не спеціальнымъ круглымъ шиломъ или сверломъ, которыя дали бы совершенно округлыя точки, какія и видимъ мы на блюдахъ болѣе тщательной работы. Равнымъ образомъ и передача волосъ кружками, которая примѣняется на описываемомъ блюдѣ, очевидно, просто, какъ легкій способъ обозначенія ихъ, на нѣкоторыхъ блюдахъ лучшей работы примѣнялась для обозначенія лишь волосъ, завитыхъ въ кольца, причемъ кружки употреблялись большого размѣра и внутри ихъ помѣщалась точка: такъ раздѣлана борода и пышная шевелюра сасанидскаго царя на одномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [1]); на упомянутомъ выше парижскомъ блюдѣ такъ-же обозначены волосы жрепа (евнуха) и божества мѣсяца, причемъ остается неяснымъ, въ виду того, что волосы у нихъ короткіе, хотѣлъ-ли мастеръ передать дѣйствительно завитые волосы; на серебряномъ (неизданномъ) кувшинѣ Британскаго Музея (бывшемъ A. W. Franks'a) кружками, безъ точекъ внутри ихъ, раздѣланы волосы нагихъ фигурокъ (Эротовъ?), собирающихъ виноградъ, но, такъ какъ волосы ихъ связаны на макушкѣ въ пучекъ, то завиты они въ нижней части быть не могли и кружки примѣнены тутъ, очевидно, такъ-же условно, какъ и на описываемомъ блюдѣ. Особенно же ясно выступаетъ значеніе кружковъ при отдѣлкѣ волосъ на блюдѣ гр. Гр. С. Строганова [2]), гдѣ кружками (съ точками въ центрахъ) заполнена только борода царя, а у слугъ лишь нижнія, расширяющіяся части волосъ, тогда какъ верхнія, — не завитыя, а просто расчесанныя, — переданы параллельными линіями. Но требовать такой-же послѣдовательности въ примѣненіи круглаго пунсона отъ крайне небрежнаго исполнителя нашего блюда, конечно, не возможно, тѣмъ болѣе, что онъ примѣнялъ для обозначенія волосъ лишь самый малый пунсонъ, да и

---

[1]) № 1084. Рис. см. въ Отчетѣ Импер. Археол. Коммиссіи за 1867 годъ. Табл. III, рис. 4. Русскія древности. Вып. III, рис. 83.

[2]) Aspelin, l. l. № 608; Al. Riegl, Ein alt-orientalischer Teppich. vom J. 1202 n. Chr. und die ältesten orientalischen Teppiche. Berlin. 1895, fig. 2.

то ударялъ имъ иногда бокомъ, желая достичь, очевидно, только отличія плана волосъ отъ гладкой поверхности лицъ. Въ другихъ случаяхъ употребленія того-же самаго наименьшаго пунсона, — въ узорахъ на одеждѣ распятаго Христа, Данила и лѣваго, сидящаго подъ крестомъ, воина, — видно, что тѣмъ-же самымъ пунсономъ при ударѣ болѣе сильномъ получался кружокъ нѣсколько большаго размѣра, а иногда и столь глубокій, что онъ кажется круглою точкой. Завитки гривы у львовъ мастеръ передалъ — слѣдуя, очевидно, примѣрамъ подобнымъ указаннымъ выше — кружками болѣе крупными, внутри которыхъ точки замѣнилъ сильными ударами пунсономъ наименьшаго кружка; пунсонъ же большаго размѣра мастеръ ставилъ при ударѣ, по большей части, бокомъ и получалъ поэтому здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ, полукруглыя нарубки. Эта отдѣлка деталей произведена была уже послѣ шлифовки оборотной стороны блюда, такъ какъ на ней замѣтны мѣстами небольшія выпуклости, соотвѣтствующія кружкамъ или точкамъ, выбитымъ съ лицевой стороны глубже, чѣмъ остальные.

Наконецъ послѣднею работой было наложеніе позолоты, покрывающей, какъ и на большинствѣ подобныхъ блюдъ, сплошь весь фонъ. Въ примѣненіи же позолоты къ инымъ частямъ изображеній мастеръ проявилъ обычную ему непослѣдовательность: такъ, оставляя всѣ лица серебряными, онъ вызолотилъ большинству фигуръ руки. Однако всюду оставилъ онъ непозолоченными надписи, выдѣляющіяся поэтому отъ фона и цвѣтомъ, хотя при свойствѣ позолоты границы ея не совпадаютъ, да и не могли точно совпасть, съ контурами буквъ. Здѣсь употреблена та-же самая блѣдная, весьма расплывчатая позолота, которую видимъ и на всѣхъ прочихъ блюдахъ и иныхъ сосудахъ, и которая накладывалась «черезъ огонь», т. е. посредствомъ ртутной амальгамы.

Когда припаяна была къ блюду ножка: до или послѣ позолоты, судить о томъ основаній мы не видимъ.

Исполненіе же сирійскихъ надписей до наложенія на блюдо позолоты и, вѣроятно, до шлифовки оборотной стороны его доказываетъ, что вырѣзалъ ихъ самъ мастеръ, дѣлавшій блюдо, а слѣдовательно онъ былъ сиріецъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ надписи должны были бы быть намѣчены предварительно вырѣзки ихъ заказчикомъ блюда, но ни малѣйшихъ слѣдовъ этого не замѣтно. Самая длина надписей мѣстами, напр. при ап. Петрѣ, находится въ явной зависимости отъ композиціи изображеній. Если исполнитель блюда самъ составлялъ надписи къ его изображеніямъ, то сколь ни безнадежны были его таланты, какъ художника, онъ обладалъ, очевидно, нѣкоторыми познаніями о смыслѣ изображаемыхъ имъ сюжетовъ, а потому при всей грубости исполненія ихъ тѣ детали, которыя относятся непосредственно къ содержанію, могутъ считаться изображенными сознательно.

Возможно, конечно, и предположеніе, что все это блюдо цѣликомъ скопировано совершенно безграмотнымъ мастеромъ, съ другого подобнаго, можетъ быть гораздо лучшей работы.

Что касается общаго расположенія изображеній на блюдѣ, то мы не имѣемъ прочныхъ и ясныхъ основаній рѣшать, взята-ли эта композиція мастеромъ цѣликомъ съ другого подобнаго блюда,— или какого-либо иного круглаго предмета, — или же ему самому пришлось комбинировать по поверхности блюда избранные имъ сюжеты.

Помѣщеніе трехъ главныхъ изображеній внутри круговъ и самый выборъ ихъ содержанія представляетъ ближайшее сходство съ одною изъ ампулъ Монцы, обратная сторона которой (см. рис. 4 = Garrucci, l. l., tav. 433, fig. 8) украшена семью

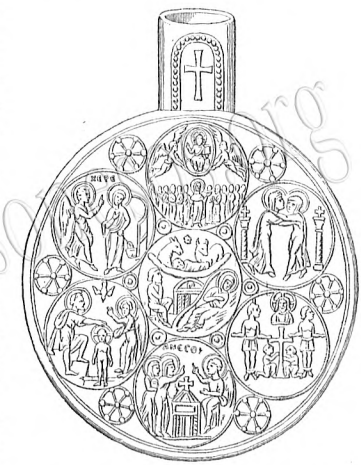


Рис. 4. Ампула изъ Св. Земли въ Монцѣ.

кружками: изъ нихъ въ центральномъ представлено Рождество Христово [1]), а среди шести расположенныхъ кругомъ оказываются три, содержащихъ тѣ-же самыя сцены, которыя украшаютъ блюдо, причемъ Вознесеніе также занимаетъ верхнее мѣсто, а Распятіе приходится также слѣва, — хотя и на иномъ уровнѣ —, отъ Мироносицъ. Въ виду того, что такія ампулы съ масломъ отъ Святыхъ Мѣстъ расходились во множествѣ по всему христіанскому міру, предположеніе (ср. выше стр. 6) о прямой зависимости композиціи описываемаго блюда отъ другого экземпляра указанной ампулы, или иной близко съ нею сходной, являлось бы не только вполнѣ возможнымъ, но и весьма вѣроятнымъ, если бы въ деталяхъ каждой изъ трехъ избранныхъ композиціи не оказывалось значительныхъ и, какъ увидимъ ниже, весьма существенныхъ отличій отъ композиціи этой и другихъ ампулъ палестинскаго происхожденія, и эти отличія значительно ослабляютъ вѣроятность предположенія о непосредственной зависимости блюда отъ ампулъ.

Рамки круговъ на блюдѣ переплетаются между собою, образуя небольшіе кружки въ мѣстахъ соприкосновенія круговъ. Такой-же пріемъ помѣщенія фигуръ въ переплетающіяся рамки представляютъ также найденные въ С. В. Россіи серебряный кувшинъ гр. Гр. С. Строганова [2]) и блюдо М. П. Боткина, тождественные между собою по стилю и работѣ, и, слѣдовательно, одного и того-же времени и происхожденія; но они являются лишь отдаленною аналогіей издаваемому блюду: плетенія ихъ образуютъ не только круги, но и иныя болѣе сложныя фигуры, время же ихъ изготовленія значительно позднѣе принимаемаго для издаваемаго здѣсь блюда, такъ какъ на кувшинѣ находится арабская надпись. На другомъ серебряномъ кувшинѣ [3]), также съ арабскою надписью, горлышко подобнымъ-же образомъ украшено птицами, помѣщенными внутри рамокъ, образуемыхъ плетеніемъ, но тутъ рамки эти четыреугольныя. Тотъ-же пріемъ дѣленія украшаемой поверхности на отдѣльныя меньшія поля встрѣчаемъ мы на различныхъ произведеніяхъ искусства мусульманскаго востока весьма часто; достаточно будетъ указать здѣсь на круглую коробку изъ слоновой кости, исполненную въ Испаніи, въ Кордовѣ, но персидскими, вѣроятно, мастерами въ 971 г. по Р. Х. [4]), и на другую весьма сходную съ нею [5]), на круглую-же бронзовую инкрустированную серебромъ коробку 1238—1240 гг. [6]) и на другую подобную [7]), на столикъ конца XIII или начала XIV вѣка, той-же самой техники, принесенной въ Египетъ изъ Месопотаміи мосульскими мастерами [8]), и т. д., и т. д.

И въ архитектурной орнаментикѣ сплетенія, подобныя находящимся на блюдѣ, встрѣчаются на памятникахъ довольно древнихъ: такъ на косякѣ двери дворца (?) въ Сафа, къ Ю. В. отъ Дамаска, относимомъ къ VII вѣку, изображены въ подобныхъ переплетающихся кругахъ различныя животныя [9]).

Позднѣе тотъ-же самый пріемъ сталъ весьма обычнымъ въ т. н. «ломбардской» орнаментикѣ въ Италіи [10]), во множествѣ византійскихъ орнаментальныхъ плитъ отъ разнаго рода преградъ и въ орнаментахъ иного рода, а равно и въ памятникахъ западныхъ, зависящихъ отъ восточныхъ, напр., на окладѣ изъ слоновой кости, изготовленномъ для Мелисенды, дочери короля іерусалимскаго

---

[1]) Ампулу эту, судя по изображенію на лицевой сторонѣ ея (см. Garrucci, l. l., tav. 433. fig. 7. ср. Византійскій Временникъ 1897 г., стр. 91 и 1898 г., стр. 177 сл.), можно считать происходящей изъ Виолеема.

[2]) См. рис. у Aspelin'a, l. l. № 621.

[3]) См. рис. въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1895 г., рис. 167.

[4]) South Kensington Museum. По инвентарю № 368. 1880. Рис. см. G. Le Bon, La civilisation arabe, fig. 3. Фотографія Кенсингтонскаго Музея. № 16909.

[5]) Въ Луврѣ. Арабская зала. По этикеткѣ: Boite en ivoire. Perse (?) XII siècle. Donation Davilier. Рис. см. у A. Gayet, L'art persan, стр. 237.

[6]) Въ Кенсингтонскомъ Музеѣ. Рис. см. у Stanley Lane Poole. The Art of the Saracens in Egypt. fig. 80.

[7]) Prisse d'Avennes, L'art arabe, pl. CLXXIII.

[8]) Въ Арабскомъ Музеѣ въ Каирѣ. Рис. см. у St. Lane Poole'я, l. c. fig. 74, и у Gayet, L'art arabe, fig. 127.

[9]) См. рис. у Melchior de Vogué, La Syrie Centrale. Architecture civile et réligieuse. Paris, 1865—1878, pl. 24.

[10]) Множество примѣровъ въ книгѣ Cattaneo, L'Architecture en Italie du VI au XI siècle, Venise. 1890.

Балдуина (нач. XII в.), мы видимъ внутри такихъ круговъ отдѣльныя сцены византійскаго характера [1]).

Очень часто встрѣчая тотъ-же самый пріемъ и въ заставкахъ рукописей, и въ орнаментаціи рельефныхъ плитъ, и въ работахъ изъ слоновой кости и въ иныхъ различныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ, какъ въ византійскихъ произведеніяхъ, такъ и въ западно-европейскихъ, которыя подражаютъ то византійскимъ, то восточнымъ образцамъ, мы считаемъ лишнимъ перечислять здѣсь примѣры эти въ виду того, что всѣ эти памятники многимъ ниже разсматриваемаго блюда.

Гораздо важнѣе указать на древнѣйшіе примѣры этого пріема образовывать рамки для отдѣльныхъ изображеній переплетающимися въ видѣ круговъ полосами: такой пріемъ весьма употребителенъ на мозаичныхъ полахъ поздне-римскаго времени и примѣры его находимъ мы на всемъ протяженіи римской имперіи; переплетающіяся полосы имѣютъ иногда видъ лиственныхъ или цвѣточныхъ гирляндъ, внутри образуемыхъ ими круговъ помѣщаются иногда, какъ напр. на мозаикахъ близъ Константины [2]), также лишь орнаменты, иногда же и фигурныя изображенія. Въ мозаикахъ близъ Галикарнаса въ одномъ мѣстѣ въ трехъ кругахъ изображены были олицетворенія городовъ Галикарнаса, Александріи и Вирита, въ другихъ же разныя животныя [3]); въ извѣстной мозаикѣ 575 г. по Р. Х. въ церкви Св. Христоффора близъ Тира въ кругахъ размѣщены различныя растенія, животныя и бюсты двѣнадцати мѣсяцевъ македонскаго календаря [4]).

И въ мозаикахъ на сводахъ встрѣчаются такія-же переплетающіяся полосы рамокъ: потолокъ круглаго нефа церкви Св. Констанцы (вѣрнѣе Константины) близъ Рима разбитъ на отдѣльныя четыреугольныя поля, среди которыхъ нѣкоторыя также раздѣлены переплетающимися полосами на меньшія —, то круглой, то иной формы, съ изображеніями геніевъ, цвѣтовъ и т. п. внутри ихъ [5]); въ ротондѣ св. Георгія въ Оессалоникѣ сводъ западной ниши сохранилъ мозаичную декорацію (вѣка V-го), также напоминающую коверъ, бордюръ котораго состоитъ изъ переплетающихся полосъ съ изображеніями птицъ внутри образуемыхъ ими рамокъ [6]). Въ орнаментаціи мозаикъ, особенно украшавшихъ полы, видятъ воспроизведеніе, болѣе или менѣе точное, узоровъ ковровъ, мозаики же подобнаго рода, помѣщаемыя на своды, уподобляютъ зданіе палаткѣ изъ узорчатыхъ тканей.

И дѣйствительно между этими мозаиками и тканями тѣхъ-же вѣковъ, найденными въ значительномъ числѣ въ Египтѣ, оказывается близкое сходство, какъ во многихъ иныхъ отношеніяхъ, такъ и въ употребленіи разсматриваемаго нами пріема.

Узкія и длинныя полосы узорныхъ вышивокъ въ хитоны дѣлятся плетеніями на ряды круглыхъ и четыреугольныхъ рамокъ, внутри которыхъ помѣщаются, то въ вертикальномъ, то въ горизонтальномъ направленіи, различныя изображенія: растенія, либо въ видѣ отдѣльныхъ листьевъ, либо цѣлыхъ кустиковъ, животныя (зайцы и птицы), человѣческія лица и бюсты, и, въ четыреугольныхъ рамкахъ цѣлыя фигуры, наконецъ желтый (т. е. золотой) и украшенный цвѣтными квадратами (т. е. драгоцѣнными камнями) крестъ [7]). На квадратныхъ вставкахъ поле дѣлится иногда на четыре круга такими-же двумя переплетающимися между собой безконечными полосами, какъ и на описываемомъ

---

[1]) См. фот. у Westwood'a, Fictile ivories. 1876. у стр. 73, табл. VII. Cahier, Nouveaux Melanges d'archéologie. Ivoires, pl. I—II.

[2]) См. рис. въ изданіи Exploration scientifique de l'Algérie pendant les années 1840—45. Archéologie par Delamare. Paris. 1850, pl. 145, 146.

[3]) См. чертежи у Newton'a, A history of discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. Атласъ, табл. XL и XLI, текстъ стр. 281 слд. Часть этихъ мозаикъ находится въ Британскомъ Музеѣ; датировка ихъ III в. по Р. Х., можетъ быть, слишкомъ высока.

[4]) См. Renan, Mission archéologique en Phénicie, pl. XLIX. Теперь мозаика эта находится въ Луврѣ.

[5]) См. Garrucci, tav. 206 fig. e. Время сооруженія ротонды или 326—330 гг. по Р. Х., или, вѣроятнѣе, 354 годъ, годъ смерти Константины.

[6]) См. рис. у Texier and Pullan, Byzantine architecture, pl. XXXIV, fig. 1.

[7]) См. Portofolio of Egyptian Art. (изд. Кенсингтонскаго Музея), вып. 3 и 4; Gerspach, Les tapisseries coptes, fig. 25; R. Forrer, Die frühchristlichen Alterthümer aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis, taf. XVIII, fig. 6.

www.chersonesos.com

блюдѣ, внутри же круговъ помѣщаются по одной фигурѣ птицъ, животныхъ и охотниковъ [1]). Всѣ эти ткани относятся къ той группѣ тканей, находимыхъ въ кладбищахъ Египта, которая, судя по качеству работы, по сюжетамъ, по самому характеру рисунка, по господству фіолетоваго цвѣта (пурпура), можетъ быть считаема вышедшею изъ греческихъ мастерскихъ, и которая орнаментикою своей представляетъ сходство не только съ указанными выше мозаиками, но и съ миніатюрами греческихъ рукописей: такъ въ извѣстной вѣнской рукописи Діоскорида (нач. VI в.) изображеніе заказчицы помѣщено въ 8-ми-угольной внутри и круглой снаружи рамкѣ, образуемой переплетающимися полосами, а въ Россанскомъ евангеліи (также VI в.) погрудныя изображенія евангелистовъ находятся въ круглыхъ медальонахъ, образованныхъ переплетенными полосами, хотя тамъ плетеніе это и менѣе сложно, чѣмъ на блюдѣ и указанныхъ тканяхъ [2]).

Такимъ образомъ оказывается, что тотъ пріемъ, которымъ воспользовался сирійскій мастеръ, изготовлявшій описываемое блюдо, для того, чтобы выдѣлить на плоскости блюда три круглыхъ поля для избранныхъ имъ изображеній, былъ весьма распространенъ въ христіанскомъ греческомъ искусствѣ. Поэтому мы вправѣ предположить, что оттуда и было заимствовано это примѣненіе плетеній какъ мастеромъ этого блюда, такъ позднѣе и искусствомъ мусульманскаго востока; можно также думать, что главную роль въ распространеніи этого пріема играли ткани Египта и Сиріи, которыя переносились легче и дальше, чѣмъ иныя произведенія греческаго искусства. Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы съ ткани могла быть взята цѣликомъ вся эта система вписанія въ большой кругъ трехъ меньшихъ, такъ какъ извѣстныя намъ древнія ткани аналогичныхъ примѣровъ не представляютъ: на нихъ видимъ мы дѣленіе на круги лишь квадратныхъ или продолговатыхъ полей, круглыя же заполняются обыкновенно сплошь одною большой композиціей безъ вторичнаго дѣленія на меньшіе круги.

Послѣ помѣщенія трехъ главныхъ изображеній въ разсмотрѣнныя выше рамки потребовалось заполнить пустоты оставшихся отрѣзковъ, причемъ характерныя формы отрѣзковъ этихъ требовали нѣкоторой ловкости отъ исполнителя композиціи, въ нихъ помѣщенныхъ.

Въ среднемъ, самомъ маломъ, отрѣзкѣ вырѣзанъ крестъ и при этомъ столь правильно въ самой срединѣ между краями круговъ, что центръ креста не совпадаетъ съ углубленною точкою въ центрѣ блюда, о которой рѣчь была выше. Форма креста съ расширяющимися концами, весьма обычная на греческихъ памятникахъ V-го и слѣдующихъ вѣковъ, находится въ отдаленной зависимости отъ того декоративнаго креста, который стоялъ въ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ, и пирамидки, изъ трехъ кружковъ каждая, на внѣшнихъ углахъ его условно передаютъ жемчужныя «слезки», нерѣдко помѣщаемыя на болѣе тщательныхъ изображеніяхъ его [3]); такую-же точно форму имѣетъ и крестъ, изображенный на этомъ-же блюдѣ внутри Гроба Господня.

Изъ большихъ внѣшнихъ отрѣзковъ особенно удачно съ точки зрѣнія композиціи заполненъ изображеніемъ Даніила во рву львиномъ нижній. Этотъ сюжетъ, столь обычный въ памятникахъ древне-христіанскихъ, особенно любезенъ долженъ былъ быть христіанамъ, жившимъ въ Месопотаміи, гдѣ жилъ и самъ пророкъ: теперь могилу его показываютъ близъ древнихъ Сузъ, но и тогда, конечно, съ именемъ его связаны были многія мѣстности Месопотаміи и во имя его строились, конечно, церкви, какъ то извѣстно, напр., относительно Эдессы, гдѣ церковь пр. Даніила воздвигнута была уже въ 379 году. Поэтому присутствіе Даніила на этомъ блюдѣ, среди евангельскихъ сценъ и пр., можетъ объясняться какъ вообще распространенностью почитанія его месопотамскими христіанами, — или даже, быть можетъ, назначеніемъ описываемаго блюда для какой-либо церкви его имени, — такъ и символическимъ параллелизмомъ между Даніиломъ и Христомъ; хотя указываемые примѣры

---

[1]) См. два квадрата такого рода: Portofolio of Egyptian Art вып. 2 (и на обложкѣ каждаго выпуска): два охотника и два звѣря, и Al. Riegl, Die ägyptischen Textilfunde im k. k. österreichischen Museum für Kunst und Industrie, taf. XII: заяцъ, павлинъ и двѣ какихъ-то птички.

[2]) Миніатюру, изображающую Юліану въ краскахъ, см. у Labarte'a, Histoire des Arts industriels. pl. XLIII, а рис. изъ Россанскаго Евангелія въ Сочиненіяхъ С. А. Усова, т. II, рис. 15 (= Древности Моск. Арх. Общ., т. IX, 1881 г.).

[3]) См. Д. В. Айналова, Мозаики IV и V вѣка, стр. 44—53.

такого уподобленія относятся ко временамъ довольно позднимъ [1]), но присутствіе на многихъ рельефахъ саркофаговъ изображеній Даніила близь символической передачи распятія Христа позволяетъ предполагать такую символику и во времена болѣе древнія. Чѣмъ бы ни руководился мастеръ, избирая изображеніе пр. Даніила, онъ едва-ли могъ бы подыскать иное, болѣе подходящее для заполненія треугольнаго отрѣзка. Но вмѣсто обычной позы Даніила «орантомъ», т. е. съ воздѣтыми вверхъ руками, здѣсь изображенъ онъ держа ихъ передъ грудью открытыми ладонями наружу, т. е. также въ молитвенной позѣ. Зависитъ-ли это измѣненіе позы лишь отъ требованій композиціи, — такъ какъ для распростертыхъ рукъ не оказалось бы мѣста, — или же отъ какихъ-либо особыхъ изображеній, отличныхъ отъ обычныхъ на извѣстныхъ намъ памятникахъ, рѣшать это мы не имѣемъ основаній. Замѣтимъ лишь, что въ той-же самой позѣ на описываемомъ блюдѣ изображенъ одинъ изъ апостоловъ (лѣвый въ срединѣ). За то, несомнѣнно ради лучшаго заполненія этого именно отрѣзка, львамъ, изображаемымъ обыкновенно сидящими или лежащими, придана здѣсь оригинальная и даже невозможная въ дѣйствительности поза: переднія части ихъ скопированы съ изображеній лежащихъ львовъ, заднія же ноги вытянуты для заполненія угловъ отрѣзка горизонтально назадъ; такимъ образомъ эти львы напоминаютъ извѣстное ассирійское изображеніе львицы съ перебитымъ стрѣлами становымъ хребтомъ на рельефѣ изъ дворца Ассурбанипала [2]).

Такой-же отрѣзокъ справа такъ-же удачно заполненъ изображеніемъ ап. Петра въ срединѣ, нѣтухомъ слѣва и надписью справа, въ чемъ мы видимъ ясное доказательство того, что надписи выбиралъ и вырѣзалъ самъ мастеръ: эта надпись, равно какъ и надпись при двухъ воинахъ, длиннѣе всѣхъ остальныхъ, очевидно, потому, что служила для заполненія оставшейся пустою части отрѣзка. Нѣтухъ, котораго древне-христіанскія композиціи этой сцены помѣщаютъ обыкновенно или у ногъ Петра или на особой колоннѣ, посаженъ здѣсь непосредственно на рамку верхняго изъ трехъ круговъ.

Менѣе удачно справился мастеръ съ пустотою лѣваго отрѣзка, помѣстивъ тамъ двѣ фигуры «воиновъ, стерегущихъ Гробъ», какъ опредѣляетъ ихъ надпись: онѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія сами по себѣ, а отъ того изображенія, къ которому принадлежатъ, отдѣлены рамкою; если же имъ не оказалось мѣста внутри рамки этой, то безъ всякаго ущерба для ясности композиціи ихъ можно было опустить вовсе, какъ то и видимъ на іерусалимскихъ ампулахъ (см. рис. 4). Представляя такимъ образомъ нарушеніе законовъ композиціи самымъ присутствіемъ своимъ, онѣ еще менѣе удачно нарисованы: обѣ фигуры кажутся скопированными съ праваго изъ сидящихъ подъ крестомъ Христа воиновъ, а тождественныя позы ихъ оказались для заполненія треугольнаго отрѣзка весьма неподходящими, такъ какъ всѣ три угла остались пустыми и отчасти лишь заполняются надписью по верхнему краю поля. Будь мастеръ болѣе умѣлымъ, онъ могъ бы придать имъ разнообразныя, болѣе живыя позы, которыя и ему помогли бы болѣе удачно заполнить отрѣзокъ этотъ и сами ближе соотвѣтствовали бы повѣствованію ев. Матѳея (гл. XXVIII, 4), по которому «отъ страха же... сотрясошася стрегущіе и быша, яко мертвы», какъ и изображаются они на лучшихъ, греческихъ памятникахъ.

Эти недостатки въ общей композиціи блюда, отчасти лишь исправляемыя заполненіемъ мѣстъ, оставшихся пустыми, надписями, позволяютъ, кажется, предполагать (представляя соотвѣтствіе весьма низкому въ художественномъ отношеніи исполненію блюда), что композиція эта была самостоятельнымъ дѣломъ сирійскаго мастера. Съ меньшей увѣренностью расположеніе послѣдовательныхъ по времени сценъ отреченія Петра, распятія и воскресенія справа налѣво можно объяснять привычкою сирійца читать, а слѣдовательно и разсматривать изображенія, въ этомъ именно направленіи.

При попыткѣ указать тѣ черты, которыя сирійскій мастеръ, работавшій въ Персіи, прибавилъ къ греческимъ, извѣстнымъ ему, быть можетъ, лишь изъ вторыхъ рукъ, оригиналамъ, оказываются затрудненія двухъ родовъ: съ одной стороны крайняя ремесленная грубость работы не позволяетъ требовать сознательнаго смысла отъ каждой детали, какъ то вправѣ были бы мы дѣлать, если бы

---

[1]) VIII-му вѣку: Іоаннъ Дамаскинъ и Ѳеодоръ Студитъ. См. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 317.

[2]) Рис. см. напр. у Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité II, fig. 270, и во многихъ руководствахъ.

имѣли предъ собою тщательную художественную работу, съ другой же немногочисленность греческихъ памятниковъ соотвѣтствующаго содержанія, извѣстныхъ намъ отъ того времени, къ которому относится блюдо, не даетъ права въ весьма существенныхъ отъ нихъ отличіяхъ, являющихся во всѣхъ трехъ главныхъ изображеніяхъ сирійскаго блюда, видѣть несомнѣнныя черты мѣстнаго или національнаго происхожденія: только нѣкоторыя, чисто внѣшнія детали могутъ быть объясняемы, какъ увидимъ ниже, вліяніемъ сасанидскаго искусства, оригинальныя же композиціи трехъ главныхъ сценъ могли быть и копіями съ неизвѣстныхъ намъ пока греческихъ изводовъ, что и придаетъ описываемому блюду, въ виду его древности, большой интересъ для изслѣдователей древне-христіанскаго искусства, отъ которыхъ мы и надѣемся получить авторитетныя разъясненія вопросовъ, представляющихся намъ при разсмотрѣніи этихъ композицій.

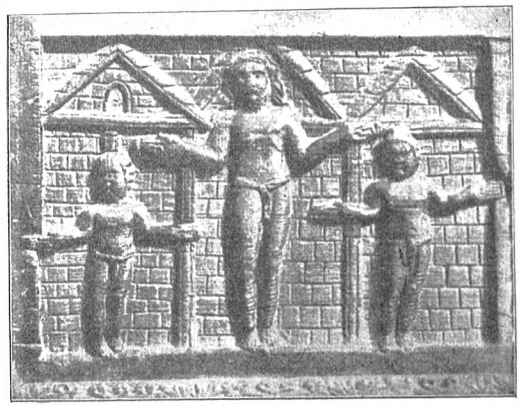


Рис. 5. Рельефъ дверей церкви св. Сабины въ Римѣ.

Изображеніе распятія значительно отличается отъ двухъ, считаемыхъ древнѣйшими реальными изображеніями его, рельефовъ, а именно на деревянныхъ дверяхъ церкви св. Сабины въ Римѣ (см. рис. 5 = Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst. Fig. 104) [1]), исполненныхъ въ началѣ V-го вѣка (м. б. въ 425—431 гг.) восточными, вѣроятно, мастерами [2]), и на пластинкѣ слоновой кости въ Британскомъ Музеѣ (см. рис. 6 = Garrucci, tav. 446, fig. 2), относимой также къ V-му вѣку и изготовленной, повидимому, въ Италіи [3]).

Рис. 6. Пластинка слоновой кости въ Британскомъ Музеѣ.

Отъ обоихъ рельефовъ композиція сирійскаго блюда существенно отличается тѣмъ, что здѣсь Христосъ одѣтъ въ длинную одежду, что совершенно не изображены самые кресты, на которыхъ Онъ и разбойники распяты, и что особенно ясно изображены лишь нижнія части крестовъ. Положеніе распятыхъ съ руками распростертыми на высотѣ плечей въ стороны здѣсь, какъ и на лондонской пластинкѣ, болѣе реально, чѣмъ на рельефѣ

[1]) Фототипію см. въ Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde, VIII, 1894, taf. 1.

[2]) См. Strzygowski въ Jahrbuch der Königl. Preuss. Kunstsammlungen, т. XIV (1893), стр. 80.

[3]) Впрочемъ Molinier, Histoire générale des arts appliqués à l'industrie, т. I, стр. 64 сл., склоненъ относить къ восточнымъ издѣліямъ и тѣ четыре пластинки, въ число которыхъ входитъ это изображеніе распятія.

св. Сабины, гдѣ отведены въ стороны лишь нижнія части рукъ, тогда какъ верхнія до локтя плотно прижаты къ туловищу, но здѣсь ни у Христа, ни у разбойниковъ, не показано гвоздей на ладоняхъ рукъ, которые ясно обозначены на лондонской пластинкѣ, а ноги стоятъ здѣсь также безъ гвоздей на поперечной перекладинѣ, которой не обозначается вовсе на древнѣйшихъ христіанскихъ изображеніяхъ распятія [1]).

Распятые изображены на сріійскомъ блюдѣ такъ, что на первый взглядъ кажутся просто стоящими съ распростертыми въ стороны руками на особыхъ подставкахъ въ видѣ буквы Т, подобно тому, какъ на двери св. Сабины они стоятъ просто на землѣ предъ стѣною города, но тамъ обозначены концы креста, къ которымъ пригвождены ихъ руки, здѣсь же только крестообразныя перевязи на груди [2]) указываютъ на то, что вертикальный столбъ предполагается продолжающимся за спинами распятыхъ. Такимъ образомъ является вопросъ, для насъ неразрѣшимый, умышленно-ли не изображенъ здѣсь крестъ, орудіе позорной казни, со всею реальностью, или же мастеръ не показалъ за руками и надъ головами распятыхъ концевъ креста лишь по небрежности [3]). Перекладина же подъ ногами распятыхъ имѣетъ несомнѣнно реальное основаніе: на извѣстномъ палатинскомъ граффитто (см. рис. у Garrucci, tav. 483, и во многихъ руководствахъ), гдѣ язычникъ въ III в. изобразилъ распятіе въ карикатурномъ видѣ и передалъ конечно крестъ со всей возможной для его художества реальностью, видимъ мы такую-же перекладину, на которой ноги распятаго стоятъ, не будучи пригвождены такъ-же, какъ и на блюдѣ, но руки изображены тамъ наклонно, такъ что туловище, очевидно, виситъ на верхней перекладинѣ креста, чего не передаютъ однако разсматриваемыя древнѣйшія христіанскія изображенія распятія. На ампулахъ изъ Св. Земли, относимыхъ къ VI-му вѣку, распятіе изображается еще болѣе условно, чѣмъ на блюдѣ и двухъ упомянутыхъ рельефахъ: на большинствѣ ихъ Христосъ распятымъ не представляется вовсе: между двумя распятыми разбойниками помѣщается лишь крестъ, да и то условной формы (равноконечный), съ погрудnымъ изображеніемъ Христа надъ нимъ (см. напр. рис. 4 = Garrucci, tav. 433, fig. 8, и Garrucci, tav. 434, fig. 2, 5, 6, 7 и tav. 435, fig. 1); только на одной ампулѣ (см. рис. 7 = Garrucci, tav. 434. 4) Христосъ изображенъ между разбойниками стоящимъ во весь ростъ съ распростертыми, согнутыми въ локтяхъ, руками; на рисункѣ Garrucci никакихъ слѣдовъ креста у Христа не видно, тогда какъ у разбойниковъ ясно обозначенъ столбъ, къ которому онѣ привязаны. На поразительно близкомъ изображеніи распятія на мѣдномъ амулетѣ египетскаго, повидимому, происхожденія, ясно показана однако нижняя часть столба и у ногъ Христа, одѣтаго, какъ и на ампулѣ, въ обычный греческій костюмъ (см. рис. 8) [4]).

Рис. 7. Ампула изъ Св. Земли въ Монцѣ.

---

[1]) У лѣваго разбойника ноги по небрежности мастера не изображены вовсе. Поперечная перекладина, на которой ноги здѣсь стоятъ, изображается очень тщательно на позднѣйшихъ (IX-го и слѣдующихъ вѣковъ) композиціяхъ, ставшихъ традиціонными, но тамъ ноги Христа пригвождены къ этому подножію. Повидимому, древнѣе ихъ, но точно опредѣлены быть не могутъ, изображенія распятія на одномъ рѣзномъ камнѣ у Garrucci, tav. 479, fig. 15, (въ текстѣ 16) и на омофорѣ изъ Египта (см. рис. у Forrer'a, Römische und byzantinische Seidentextilien, taf. XVII, fig. VIII), на которыхъ перекладина эта также изображена. О подножіи этомъ см. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 347—348, и Kreuz und Kreuzigung Christi in ihrer Kunstentwickelung von R. Forrer und G. Müller, 1894, стр. 25—26.

[2]) На рельефѣ св. Сабины онѣ идутъ горизонтально.

[3]) На двери св. Сабины концы эти изображены столь неясно, что возникалъ даже вопросъ о самомъ существованіи ихъ. На блюдѣ для концевъ креста надъ головами распятыхъ не оказывается и мѣста.

[4]) См. Byzantinische Zeitschrift, II. 1893, 187—188 = Schlumberger, Mélanges d'archéologie byzantine. Vol. I,

Такимъ образомъ эта композиція распятія не находитъ себѣ ближайшей аналогіи среди древнѣйшихъ изображеній его и представляетъ соединеніе условностей съ чисто реальными деталями; къ числу послѣднихъ можно, кажется, отнести и изображеніе въ рукахъ воиновъ, сидящихъ подъ крестомъ, подобія булавы, — о которой придется говорить ниже, — вмѣсто обычныхъ мечей и копій: такая замѣна можетъ объясняться соображеніемъ чисто реальнаго характера: воины эти перебили голени у разбойниковъ и, очевидно, чѣмъ-либо вродѣ палицъ, а никакъ не копьями, и не мечами.

Рис. 8. Медальонъ Національной Библіотеки въ Парижѣ.

Сравненіе этой композиціи съ изображеніемъ распятія на миніатюрѣ сирійскаго-же Евангелія, писаннаго въ 586 г. по Р. Х. въ Месопотаміи, въ Загбѣ, каллиграфомъ Рабулой (см. рис. 2 = Garrucci. tav. 139, fig. 1; въ краскахъ у J. Labarte, Histoire des arts industriels, pl. XLIV), ясно показываетъ, что по типу изображеніе на блюдѣ значительно древнѣе этой миніатюры, гдѣ распятіе передается уже вполнѣ реально и является древнѣйшимъ примѣромъ типа, разрабатывавшагося позднѣйшимъ искусствомъ; но миніатюры Рабулы несомнѣнно не сочинены имъ самимъ, а копируютъ греческіе оригиналы нѣсколько болѣе древняго времени, возникшіе, вѣроятно, въ Сиріи около половины VI-го вѣка [1]). Слѣдовательно, композиція, скопированная сирійскимъ мастеромъ блюда, принадлежала, судя по большей условности ея, времени болѣе древнему и восходитъ, быть можетъ, до V-го вѣка, но древность оригинала не можетъ служить, конечно, точнымъ критеріемъ для опредѣленія времени копіи.

Въ изображеніи Маріи Магдалины и другой Маріи передъ Гробомъ Господнимъ оказывается существенная разница отъ иныхъ древнѣйшихъ композицій этого-же содержанія въ томъ, что ангелъ изображенъ здѣсь стоящимъ и касающимся рукою какого-то полукруга во фронтонѣ зданія Гроба Господня [2]), а жены являются сидящими, тогда какъ обыкновенно ангелъ сидитъ, а мироносицы подходятъ ко гробу. Крайняя грубость работы не позволяетъ съ увѣренностью судить, что̀ именно должны изображать сосуды въ формѣ чашки и кубка, изображенные прямо на фонѣ фигуръ и ничѣмъ не поддерживаемые: сосуды-ли съ благовоніями, согласно тексту Евангелій (Маркъ XVI, 1; Лука XXIV, 1), или же кадильницы, которыя даются иногда въ руки мироносицъ, быть можетъ, въ зависимости отъ богослужебныхъ обрядовъ, совершавшихся у Гроба Господня [3]) (см. рис. 2 и 8). Въ первомъ случаѣ мастеръ забылъ изобразить лѣвыя руки мироносицъ, во второмъ цѣпочки, идущія къ правымъ рукамъ ихъ.

Присутствіе воиновъ, стерегущихъ Гробъ, указываетъ, что эта композиція слѣдуетъ повѣствованію св. Матѳея, который одинъ лишь говоритъ о стражѣ у гроба (гл. XXVII, 65 и 66, и XXVIII, 4 и 11 сл.). Согласно съ этимъ-же евангеліемъ изображенъ и ангелъ (гл. XXVIII, 2: «ангелъ Господень сойдя съ неба, подошедъ откатилъ (ἀπεκύλισε) камень отъ двери и сѣлъ на него....»)

Въ томъ странномъ полукругѣ надъ дверью Гроба, котораго касается рукою ангелъ, мы полагаемъ возможнымъ видѣть ничто иное, какъ половину круглаго, вродѣ жернова, камня, какими

рр. 164—165. Медальонъ этотъ принадлежитъ Парижской Національной Библіотекѣ; египетское происхожденіе его явствуетъ изъ имени носителя Абамуна. Время Schlumberger опредѣляетъ VI—VII вѣками.

[1]) См. V. Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst., стр. 193 и 337.

[2]) Надпись «Воскресеніе», помѣщенная внутри Гроба Господня, обозначаетъ, вѣроятно, не всю изображенную сцену, а лишь самое зданіе, являющееся здѣсь отдаленною копіей круглаго сооруженія Константина В. надъ Гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ, которое носило имя «Воскресенія» (Ἀνάστασις); ср. амулетъ съ изображеніемъ ротонды этой и надписью Ἀνάστασις [Garrucci, tav. 480, fig. 14] и разсужденія Д. В. Айналова, Мозаики IV и V в., стр. 56 сл.

[3]) Peregrinatio ad Loca Sancta (конца IV в.), p. 57: во время воскресной ночной службы ecce etiam thiamataria inferuntur intro speluncam Anastasis, ut tota basilica Anastasis repleatur odoribus. = Православный Палестинскій Сборникъ, 20-ый вып., стр. 41 и 142.

закатывались иногда сбоку узкіе входы въ гробницы и иныя подземелья: творецъ разсматриваемой композиціи могъ знать такого рода затворы и попытался, хотя и не очень удачно, изобразить подобный каменный дискъ ради буквальнаго согласія съ евангельскимъ текстомъ, гласящимъ объ «откатываніи» камня отъ двери Гроба Господня (Мато. XXVIII, 2; Маркъ XVI, 3, 4; Лука XXIV, 2; ср. Мато. XXVII, 60; Маркъ XV, 46).

Въ окрестностяхъ Іерусалима такого рода затворы гробницъ сохранились понынѣ въ т. н. «Гробницахъ Царей» [1]) и въ гробницѣ, открытой въ 1891 году въ т. н. «Никифоріи» [2]); старые паломники упоминали о такомъ-же затворѣ одной гробницы къ с. отъ города (м. б. именно Гробницы Царей [3]). Очень часто такіе-же затворы встрѣчаются въ пещерахъ Каппадокіи, гдѣ Греки называютъ ихъ «τροῦ» т. е. τροχός.

Объ Маріи изображены здѣсь сидящими, — хотя по небрежности мастера и не показано, на чемъ именно сидятъ онѣ. Между тѣмъ въ текстѣ Евангелія ап. Матоея въ повѣствованіи о воскресеніи, какъ и у остальныхъ евангелистовъ, говорится о приходѣ двухъ Марій ко Гробу, но не какъ мироносицъ, а лишь чтобы «посмотрѣть гробъ» (гл. XXVIII, 1): такимъ образомъ ихъ, слѣдуя этому стиху, умѣстнѣе было бы изобразить стоящими, т. е. приходящими, какъ обыкновенно и изображало ихъ древне-христіанское искусство. Сидя же представлены онѣ на разсматриваемой композиціи, очевидно, слѣдуя 61-му стиху XXVII главы ев. Матоея, гдѣ послѣ разсказа о погребеніи Христа прибавлено: «была же тамъ Марія Магдалина и другая Марія, сидѣвшія противъ гробницы».

Единственнымъ извѣстнымъ намъ аналогичнымъ изображеніемъ обѣихъ Марій у Гроба Господня сидящими является пластинка слоновой кости, относимая къ V-му вѣку, хранящаяся въ Британскомъ Музеѣ и принадлежавшая нѣкогда къ тому-же предмету (ящичку?), что и упоминавшаяся выше пластинка съ изображеніемъ Распятія (см. рис. 9 = Westwood, A descriptive catalogue of the fictile ivories etc. London. 1876, табл. IV; у Garrucci, tav. 446, fig. 3): по сторонамъ Гроба Господня, съ полуоткрытыми дверями и пустымъ саркофагомъ внутри, изображены два воина, по всей видимости, спящихъ и двѣ сидящихъ, въ глубокой печали, женщины. Ангела нѣтъ вовсе, хотя, судя по открытымъ дверямъ, гробница уже пуста. Такимъ образомъ это изображеніе является весьма загадочнымъ въ отношеніи вопроса о литературныхъ источникахъ художника: печальныя фигуры женщинъ, сидящихъ

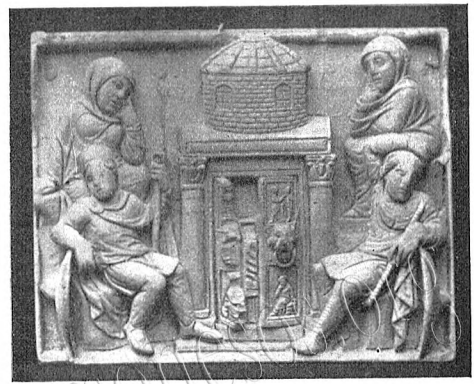


Рис. 9. Пластинка слоновой кости въ Британскомъ Музеѣ.

---

[1]) См. de Saulcy, Voyage autour de la Mer Morte. Paris. 1853. pl. XXVI и стр. 222 сл. Salzmann, Jérusalem. Etude et reproductions photographiques. Paris. 1856. Табл. къ стр. 16. Erm. Pierotti, Jerusalem Explored. London—Cambridge. 1864, pl. LVI, fig. 3; текстъ стр. 233 сл., ср. 117—118, гдѣ авторъ предполагаетъ подобное-же устройство затвора и у Гроба Господня.

[2]) См. Сообщенія Импер. Правосл. Палестинскаго Общества. III, 1892, стр. 104.

[3]) См. Tobler, Golgatha. 1851, стр. 206: Einer Scheibe, welche in Rinnen lief und womit der viereckige Eingang zu den Prachtkammern im Norden von Jerusalem verschlossen werden konnte, gedachten die Pilger aus dem XVI und XVII Jahrhundert. Vergeblich suchte ich Scheibe und Rinne in den Gräbern der Könige...., но они найдены были Saulcy.

у пустой гробницы, не соотвѣтствуютъ ни одному изъ повѣствованій о воскресеніи въ каноническихъ евангеліяхъ, сіяніе же воины упоминались лишь въ еврейской версіи, противъ которой возражаетъ ев. Матоей (XXVIII, 11—15). Но теперь эта композиція интересна для насъ лишь потому, что доказываетъ, что не одинъ только мастеръ описываемаго блюда почерпалъ свѣдѣнія о Маріи Магдалинѣ и другой Маріи во время воскресенія изъ ст. 61, XXVII главы Матоея, а не изъ 1-аго ст. XXVIII главы. Это обстоятельство заслуживаетъ на нашъ взглядъ вниманія изслѣдователей евангельскаго текста тѣмъ болѣе, что авторъ апокрифическихъ Дѣяній Пилата, дошедшихъ въ редакціи 424 г., но восходящихъ, по мнѣнію Тишендорфа, до II в. по Р. Х., влагая разсказъ о воскресеніи въ уста воиновъ и слѣдуя въ общемъ Евангелію Матоея, полагалъ, повидимому, какъ и авторы обѣихъ разсматриваемыхъ композицій, что обѣ Маріи сидѣли при Гробѣ неотлучно [1]) отъ погребенія Христа до воскресенія. Слѣды такого-же пониманія исторіи воскресенія Христова сохранились, повидимому, и въ позднѣйшихъ литературныхъ памятникахъ, но иконографическая композиція «кустодіи стерегущей Гробъ», описываемая Діонисіемъ Фурнаграфіотомъ, является иллюстраціей къ послѣднимъ стихамъ XXVII главы Матоея и едва-ли можетъ стоять въ какой-либо зависимости отъ древнѣйшихъ изображеній воскресенія съ сидящими Маріями [2]).

Входить въ разсмотрѣніе и отысканіе аналогичныхъ указаннымъ двумъ композиціямъ литературныхъ свидѣтельствъ мы не считаемъ себя компетентными; укажемъ лишь на разсказъ о воскресеніи въ синаксарѣ, внесенномъ въ Пентекостарій: хотя въ немъ и говорится о приходѣ мироносицъ, но затѣмъ слѣдуетъ утвержденіе, что «первѣе убо воскресеніе Божіей Матери познаваемо бываетъ, прямосѣдящей Гроба съ Магдалиною, яко же Матоей глаголетъ [3])».

Присутствіе креста внутри пустой гробницы едва-ли можно объяснять произволомъ мастера: весьма возможно, что это оригинальное, неизвѣстное намъ на иныхъ памятникахъ, изображеніе также имѣло какой-либо непонятный для насъ смыслъ и находило себѣ объясненіе или въ богослужебныхъ обрядахъ въ Іерусалимѣ, во время которыхъ крестъ или Древо Креста Господня могли въ какихъ-

---

[1]) Acta Pilati. A. (Evangelia apocrypha edd. Tischendorf. 2-ed., p. 255): XIII, 1....καὶ εἶδομεν ἄγγελον καταβάντα ἐξ οὐρανοῦ, καὶ ἀπεκύλισεν τὸν λίθον ἀπὸ τοῦ στόματος τοῦ σπηλαίου καὶ ἐκάθισεν ἐπάνω αὐτοῦ καὶ ἔλαμψεν ὡσεὶ χιὼν καὶ ὡς ἀστραπή. καὶ ἡμεῖς πολλὰ φοβηθέντες ἐκείμεθα ὡσεὶ νεκροί, καὶ ἠκούσαμεν τῆς φωνῆς τοῦ ἀγγέλου λαλοῦντος ταῖς γυναιξίν, αἵτινες παρέμενον τῷ τάφῳ.

[2]) Ἑρμηνεία τῶν Ζωγράφων (Аѳинское изд. 1885 г.) § 256 (стр. 138). Гробъ представляется запечатаннымъ, тогда какъ на обѣихъ разсматриваемыхъ композиціяхъ онъ открытъ; плачущія сидя жены держатъ глиняные и стеклянные сосуды съ миромъ; недоумѣвающій же сотникъ Лонгинъ явился здѣсь очевидно подъ вліяніемъ апокрифовъ.

[3]) Мѣсто это цитируется С. А. Усовымъ (Сочиненія II, 210) и Н. В. Покровскимъ (Евангеліе, стр. XXXIX пр.). По гречески читается оно такъ: καὶ πρῶτον μὲν ἡ ἀνάστασις τῇ τοῦ Θεοῦ Μητρὶ γνώριμος γίνεται, ἀπεναντίας καθημένη τοῦ τάφου, ὡς φησὶν ὁ Ματθαῖος, σὺν τῇ Μαγδαληνῇ. Ἀλλ᾽ἵνα μὴ ἡ ἀνάστασις ἀμφιβάλλοιτο διὰ τὴν πρὸς τὴν Μητέρα οἰκείωσιν οἱ Εὐαγγελισταὶ φασὶ πρῶτον φαίνεται τῇ Μαγδαληνῇ Μαρίᾳ (Πεντεκοστάριον χαρμόσυνον .... ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιανοῦ τοῦ Ἰμβρίου. ἔκδοσις ὀγδόη. Венетία. 1896, стр. 3). Синаксарь этотъ приписывается (ibidem, стр. 5) Никифору Каллисту Ксанѳопуло (XIV в.), но Erhard (Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 136, n. 1) полагаетъ, что онъ скорѣе составленъ Никифоромъ (Христофоромъ?) Митилинскимъ (XI в.).

Отождествленіе «другой Маріи» съ Б. М. находимъ мы и въ «Церковной Исторіи» Никифора Каллиста со ссылкою на какія-то «св. книги»: ἡ ἄλλη Μαρία τὴν Θεοτόκον δ᾽εἶναί ταύτη ἱεραὶ βίβλοι ἡμῖν ἐκδεδώκασιν, кн. I. гл. 33 (Migne, Patrologia Graeca. Vol. 145, col. 732) и въ словѣ его-же о Маріи Магдалинѣ (гл. XVI, Migne. 147, col. 561). Въ исторіи Каллиста видятъ (см. Krumbacher, l. c. стр. 291) переработку сочиненія X вѣка. Н. В. Покровскій (l. l.) указалъ, что отождествленіе «другой Маріи» съ Богородицей сказалось въ припѣвѣ 9-ой пѣсни пасхальнаго канона: «Ангелъ вопіяше Благодатнѣй .... (Твой Сынъ воскресе» .... Въ одномъ коптскомъ апокрифѣ (F. Robinson, p. 31: см. слѣд. прим.) Б. М. говоритъ: «Я пришла съ вами ко гробу и мы нашли Его возставшимъ изъ мертвыхъ и Я говорила съ Нимъ уста въ уста у двери гроба». С. А. Усовъ (Сочиненія II, стр. 182, 210) совершенно основательно замѣтилъ, что то-же самое выражено и въ миніатюрѣ Евангелія Рабулы (см. рис. 2), гдѣ одна изъ Мироносицъ отличается отъ другой нимбомъ и представляетъ, слѣдовательно, Божію Матерь. Въ Дѣяніяхъ же Пилата такая замѣна оказывается лишь во второй, новѣйшей редакціи (Tischendorf, l. l., стр. 313; B. XI). Намъ кажется, что приведенное мѣсто синаксаря, поправляющее каноническія евангелія, основано также, вѣроятно, на какомъ-либо изъ апокрифовъ, вліяніе которыхъ замѣтно и въ другихъ частяхъ его: напр., въ разсказѣ о Никодимѣ (l. l., стр. 50) авторъ слѣдуетъ Дѣяніямъ Пилата.

либо случаяхъ полагать внутри Гроба Господня, или же, скорѣе, въ какихъ-либо особыхъ сказаніяхъ о воскресеніи Христовомъ [1]).

Композиція вознесенія на описываемомъ блюдѣ отличается отъ прочихъ древнѣйшихъ изображеній того-же событія отсутствіемъ среди апостоловъ (которые смотрятъ на блюдѣ страннымъ образомъ другъ на друга) центральной фигуры: женщины въ позѣ «оранты», съ воздѣтыми къ небу руками, помѣщаемой иногда и между двухъ ангеловъ [2]). Уже въ Евангеліи Рабулы (586 г.) и на мозаикѣ купола св. Софіи Солунской (645 г.) фигура эта изображена со всѣми свойственными Богородицѣ признаками, а на памятникахъ позднѣйшихъ она обозначается иногда какъ Божія Матерь и надписями. Въ виду постояннаго присутствія Ея на древнѣйшихъ греческихъ памятникахъ, съ которыми композиціи описываемаго блюда представляютъ наибольшее сходство, а именно на іерусалимскихъ ампулахъ (см. рис. 4 и 7), на рель-

Рис. 10. Вознесеніе въ сирійскомъ евангеліи 586 г.

[1]) Въ апокрифическомъ Евангеліи Петра (39—41) во время воскресенія вслѣдъ за Христомъ, выводимымъ изъ гробницы двумя юношами, сшедшими съ небесъ (ангелами?), самъ собою выходитъ оттуда же вслѣдъ за ними и крестъ и на вопросъ съ небесъ: «Возвѣстилъ ли ты успшимъ»? «отвѣтъ послышался отъ креста „Да“», хотя естественнѣе было бы отвѣчать самому Христу: нельзя ли видѣть тутъ соединеніе двухъ версій, по одной изъ которыхъ изъ Гроба Господня вышелъ одинъ лишь крестъ? Объ иныхъ упоминаніяхъ креста въ апокрифическихъ разсказахъ о воскресеніи и о связи ихъ съ апокрифическими же пророчествами Іереміи о «возстаніи (или воскресеніи) древа (т. е. креста)» см. Alfred Resch. Aussercanonische Paralleltexte zu den Evangelien. II, стр. 374—378. (Gebhardt und Harnack. Texte und Untersuchungen, т. X), тамъ же стр. 369—371 различныя сказанія о воскресеніи и сошествіи во Адъ. Съ другой стороны были сказанія объ обрѣтеніи Креста внутри самого Гроба Господня: Сократъ въ V в. передаетъ это о царицѣ Еленѣ въ своей Церковной Исторіи кн. I гл. 16. (Migne. P. Gr. Vol. 67. col. 117: τρεῖς εὑρίσκει σταυροὺς ἐν τῷ μνήματι....), а сирійскій апокрифъ IV—V в. «Ученіе Аддая» тоже разсказываетъ о легендарномъ открытіи Гроба Господня Протоникой при имп. Клавдіи (см. The Doctrine of Addai the apostle..., edited by G. Philipps. London. 1876 p. 12: she entered the grave and found in the grave three crosses..О взаимоотношеніи этихъ двухъ легендъ см. Tixeront. Les origines de l'église d'Edesse. Paris. 1888 p. 164—191). Коптскій отрывокъ изъ проповѣди о Животворящемъ Крестѣ, приписываемой Кириллу Іерусалимскому, разсказываетъ, какъ Никодимъ и Іосифъ Аримаоейскій послѣ воскресенія Христа положили въ гробницу Его три креста, надписаніе (τίτλος) и гвозди и привалили («rolled» т. е. «прикатили») камень ко двери гробницы (см. Texts and studies, contributions to biblical and patristic literature, edited by J. Armitage Robinson. Vol. IV № 2: Coptic apocryphal Gospels. transl. by Forbes Robinson. Cambridge. 1896. p. 181). Тамъ-же разсказывается, какъ «Фигура (τύπος) креста вышла изъ гробницы Іисуса и остановилась надъ тѣмъ, который былъ мертвъ, и тотчасъ тотъ поднялся и сѣлъ», а безногій всталъ. (ibidem. p. 185 cf. p. 245, 43): здѣсь это проявленіе животворящей силы креста, столь сходное съ разсказами объ испытаніи трехъ найденныхъ Еленой (и Протоникой) крестовъ, относится еще ко времени жизни современниковъ Христа.

[2]) См. статью А. И. Кирпичникова. Иконографія «Вознесенія Христова» въ Трудахъ VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. III, стр. 368 слл. и Н. В. Покровскаго. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 429 слл. Въ указанномъ выше (см. стр. 20 пр. 3) коптскомъ апокрифѣ Б. М. сама говоритъ о присутствіи Ея при вознесеніи.

ефахъ дверей Св. Сабины [1]), на миніатюрѣ сирійскаго евангелія 586 года (см. рис. 10), намъ кажется, что столь замѣтное, по самой композиціи всей сцены, отсутствіе на сирійскомъ блюдѣ этой фигуры Божіей Матери можетъ быть объясняемо принадлежностью мастера къ сектѣ несторіанъ [2]), какъ по той-же, вѣроятно, причинѣ въ сирійскомъ евангеліи XII в. Британскаго Музея въ миніатюрѣ, изображающей вознесеніе, двѣнадцать апостоловъ стоятъ по сторонамъ ангела, а не Б. М., и въ изображеніи сошествія Св. Духа Б. М. также отсутствуетъ [3]). Еще одно такое-же изображеніе вознесенія безъ Б. М. имѣется на рѣзномъ камнѣ, повидимому, довольно близкомъ по времени къ описываемому блюду, но изданномъ по старому и, очевидно, неточному рисунку [4]).

Въ вопросѣ о предполагаемыхъ греческихъ оригиналахъ, которые копировалъ сирійскій мастеръ, интересны еще слѣдующія обстоятельства. Всѣ три головы, изображенныя en face: — Христа и Даніила — представляютъ между собою значительное сходство: правда, лице Даніила значительно длиннѣе, чѣмъ лицо Христа, глаза у него и у возносящагося Христа поставлены очень наклонно, тогда какъ у распятаго Христа оси ихъ идутъ совершенно горизонтально, впрочемъ эти различія едва-ли имѣютъ какое-либо иное основаніе, кромѣ небрежности работы. Но въ тщательной, — хотя и безобразной, — передачѣ ушей у этихъ трехъ, повернутыхъ en face, головъ совершенно такъ-же, какъ и у лицъ, обращенныхъ въ профиль, мы видимъ вліяніе греческихъ оригиналовъ, такъ какъ на множествѣ памятниковъ IV, V и VI вѣковъ у лицъ, изображаемыхъ en face, уши очень часто изображаются такимъ образомъ, что кажутся торчащими въ стороны.

У всѣхъ трехъ головъ этихъ овалъ подбородка ясно указываетъ на отсутствіе бородъ; древнехристіанскихъ изображеній Даніила бородатымъ мы не знаемъ; Христосъ же изображался нерѣдко на одномъ и томъ-же памятникѣ, то безбородымъ, то бородатымъ; но въ изображеніяхъ распятія безъ бороды представленъ Онъ лишь на лондонской пластинкѣ (см. выше рис. 6), да на одномъ золотомъ крестѣ грубой работы и неопредѣлимаго точно времени [5]). На прочихъ же памятникахъ распятый и возносящійся Христосъ всегда изображается въ историческомъ типѣ: съ бородою [6]). Такимъ образомъ тѣ греческіе оригиналы, которые прямо или изъ вторыхъ уже рукъ копировалъ сирійскій мастеръ, представляли Христа распятаго и возносящагося, по всей вѣроятности, юнымъ: какъ ни плохо работалъ мастеръ описываемаго блюда, но онъ никогда не придалъ бы подбородку подобнаго овала, если бы имѣлъ предъ собой изображеніе Христа съ такою большой бородою, какъ на іерусалим-

---

[1]) См. рис. у Garrucci, tav. 500, fig. IV. Фототипія въ Römische Quartalschrift. VIII. 1894, taf. I, fig. 2.

[2]) Евангеліе Рабулы принадлежало православнымъ сирійцамъ, какъ видно по наименованію въ запискахъ его Пр. Дѣвы Богородицею. — См. Сочиненія С. А. Усова, т. II, стр. 149.

[3]) См. Археологическія Извѣстія и Замѣтки. 1885, стр. 361.

[4]) Garrucci, tav. 478, fig. 32. Обычная композиція вознесенія съ Б. М. посреди апостоловъ, и Христомъ, возносимымъ ангелами на небеса, всецѣло, кажется намъ, проникнута идеей, утвержденной на ефесскомъ соборѣ: здѣсь Христосъ болѣе, чѣмъ въ иныхъ Его изображеніяхъ, является Богомъ, а потому и присутствующая при восшествіи Его на небеса Пр. Дѣва очевидно и наглядно для всякаго оказывается не только Христородицей, каковою именовалъ Ее Несторій, но именно Богородицей согласно постановленіямъ ефесскаго собора. Вотъ почему намъ кажется вѣроятнымъ, что композиція эта возникла лишь послѣ 431 г., и почему несторіанецъ тутъ-то именно и имѣлъ, на нашъ взглядъ, основанія опустить фигуру Б. М.. Кирпичниковъ (l. c. 390) указываетъ еще одно изображеніе вознесенія безъ Б. М. въ греческомъ Евангеліи Имп. Публ. Библ. № 105, л. 181, но оно совершенно своеобразно по композиціи. Безъ Б. М. изображено было, повидимому, вознесеніе на мозаикѣ, относимой къ XII-му вѣку, на сводѣ голгоѳской церкви въ Іерусалимѣ, входящей въ составъ храма Гроба Господня: судя по старому и явно неточному рисунку, изданному Ciampini (De sacris aedificiis a Constantino Magno constructis. Roma. 1693, tab. XXXIII), апостолы (9) изображены были повергнутыми въ ужасъ въ весьма живыхъ позахъ. Теперь отъ мозаики этой сохранилась лишь фигура Христа, изданная въ краскахъ Salzmann'омъ (Jérusalem, табл. къ стр. 59) и ясно показывающая всю фантастичность стараго рисунка. О мозаикахъ этихъ см. Tobler, Golgatha, стр. 272 слл.

[5]) Garrucci, tav. 432, fig. 6 изъ гробницы бл. ц. Св. Агапита въ Палестринѣ; греческія надписи позволяютъ считать крестъ этотъ привознымъ.

[6]) На рельефѣ Св. Сабины Онъ несомнѣнно — бородатый, хотя неясность въ передачѣ бороды и давала поводъ нѣкоторымъ называть Его, — но явно ошибочно, — безбородымъ. Единственное намъ извѣстное изображеніе возносящагося Христа юнымъ находится на замѣчательномъ деревянномъ рельефѣ въ Старомъ Каирѣ, изданномъ недавно Стржиговскимъ, см. Römische Quartalschrift. 1898, taf. II и стр. 16.

скихъ ампулахъ (см. рис. 4 и 7) или египетскомъ амулетѣ (рис. 8). Однако у всѣхъ трехъ, обращенныхъ en face, головъ онъ почему-то счелъ нужнымъ обозначить на безбородыхъ, судя по овалу ихъ, подбородкахъ бороду при помощи набивки пунсономъ мелкихъ кружковъ, которыми обозначалъ онъ волосы и бороды апостоловъ и воиновъ; поэтому эти три лица и даютъ впечатлѣніе бритыхъ, тогда какъ подбородки бородатыхъ лицъ, изображенныхъ въ профиль, значительно удлинены и нижнимъ краемъ своимъ совпадаютъ или даже пересѣкаютъ линію ворота, т. е. выражены и рисункомъ. Такая странная прибавка бороды безбородымъ лицамъ могла бы еще относительно Христа объясняться предположеніемъ, что мастеръ, привыкши къ современнымъ ему изображеніямъ Христа бородатымъ и копируя болѣе древній безбородый типъ Его, счелъ нужнымъ, хотя бы чисто условнымъ образомъ, добавить юному лицу бороду, но относительно Даніила, всегда и вездѣ изображавшагося юнымъ [1]), такая прибавка объясняется лишь невѣжествомъ или крайнею небрежностью мастера: прибавивъ бороду двумъ лицамъ, онъ за одно прибавилъ ее и третьему. Напротивъ того, замѣчая среди апостоловъ два юныхъ лица, мы полагаемъ, что тутъ греческій оригиналъ переданъ точно, такъ какъ въ древнѣйшихъ изображеніяхъ апостоловъ, — тамъ, конечно, гдѣ не всѣ они представлены юными, — нѣкоторые изъ нихъ [2]) рисуются безбородыми, напримѣръ, въ мозаикахъ ц. св. Агаты въ Римѣ (460—467 гг.) юными изображены были Іаковъ Алфеевъ и Варооломей, занимавшіе крайнія мѣста [3]), а на трехъ саркофагахъ во Франціи два безбородыхъ апостола занимаютъ предпослѣднія мѣста, какъ и на блюдѣ, но тутъ въ числѣ прочихъ апостоловъ есть еще по двое безбородыхъ [4]).

Крайняя небрежность и неумѣлость мастера столь ясны при первомъ взглядѣ на блюдо, столь очевиднѣе становятся при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи его, когда выступаютъ всѣ недостатки и ошибки рисунка, вся непослѣдовательность и безмысленность многихъ деталей, что совершенно лишне было бы входить въ подробное ихъ разсмотрѣніе: совершенно ясно, что лишь этою небрежностью нужно объяснять отсутствіе верхней части копья въ рукахъ воина, стоящаго справа отъ креста, отсутствіе рукъ или цѣпочекъ у мироносицъ (см. выше стр. 18), отсутствіе ногъ у благоразумнаго разбойника и у Даніила и т. п. Позабывъ или не съумѣвъ изобразить нижнюю часть туловища у ангеловъ, несущихъ ореолъ Христа, мастеръ придалъ туловищу ихъ странную яйцеобразную форму, такъ что они невольно напоминаютъ Гарпій на извѣстномъ ликійскомъ рельефѣ....

Очевидно, что искусство въ глухихъ углахъ христіанскаго Востока стояло ничуть не выше, чѣмъ въ такихъ-же мѣстахъ Запада, и въ этомъ отношеніи описываемое блюдо находитъ себѣ достойную аналогію въ извѣстной стеклянной патерѣ, найденной въ Подгорицѣ (въ Черногоріи) [5]). Греческія одежды были мастеру, повидимому, совсѣмъ непонятны: поверхъ длинныхъ до пятъ рубашекъ съ узкими рукавами, въ которыя одѣваетъ онъ всѣхъ одинаково, у нѣкоторыхъ изображены и плащи, очевидно иматіи, покрывающіе у женъ и голову. Но иматіи эти представлены въ совершенно невозможномъ видѣ какихъ-то короткихъ накидокъ, доходящихъ только до локтя, безъ всякаго обозначенія концевъ ихъ, спадающихъ внизъ. Способъ передачи складокъ въ видѣ параллельныхъ вертикальныхъ линій напоминаетъ сасанидское серебряное блюдо Парижской Національной Библіотеки [6]), гдѣ у двухъ фигуръ видимъ плащъ такъ-же накинутый на одно плечо, какъ у ап. Петра, а у одной и на голову, какъ у мироносицъ, но у всѣхъ трехъ изображенъ и нижній развѣвающійся конецъ плаща; у одной фигуры плащъ этотъ раздѣланъ параллельными нарѣзками, но въ остальномъ парижское блюдо, несмотря на всѣ его недостатки, все-же, очевидно, вышло изъ рукъ мастера гораздо лучшаго, чѣмъ

---

[1]) Исключеніе оказывается на одномъ саркофагѣ VI-го в. во Франціи (Le Blan. Les sarcophages chrétiens de la Gaule, pl. XXIII, fig. 2), гдѣ Даніилъ имѣетъ, повидимому, бороду.

[2]) То одни, то другіе. Ср. Е. К. Рѣдина, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 150 сл.

[3]) Рисунокъ мозаики сохранился въ Ватиканской Библіотекѣ. Cod. Lat. 5407, fol. 27—40, гравюра съ него у Ciampini, Vetera Monimenta. Vol. I, tab. LXXVII. Garrucci, tav. 240, fig. 2.

[4]) Edm. le Blan, Les sarcophages chrétiens de la Gaule. Paris. 1886, pl. IV, fig. 2; L, 1; LI, 2.

[5]) Прежде Собранія Базилевскаго, нынѣ Императорскаго Эрмитажа. Рис. см. Bulletino di Archeologia Cristiana. 1877, tav. V—VI; Garrucci, tav. 463, fig. 3; Le Blan, Etudes sur les sarcophages Chrétiens de la ville d'Arles, pl. XXXV.

[6]) См. выше стр. 9 прим. 2.

блюдо теперь издаваемое. Относительно распятыхъ эта небрежность въ передачѣ деталей не позволяетъ рѣшить вопросъ, имѣлъ-ли передъ собою мастеръ изображеніе Христа въ т. н. «коловіи» (длинной безрукавной рубашкѣ), въ какомъ изображается распятый Христосъ, начиная съ миніатюры сирійскаго Евангелія 586 года (см. рис. 2) и очень часто на всевозможныхъ греческихъ памятникахъ, какъ напр. крестахъ, кадилахъ, миніатюрахъ и т. п., до тѣхъ поръ, пока въ X—XI в. не устанавливается обычный понынѣ типъ Распятія, гдѣ Христосъ имѣетъ лишь платъ на чреслахъ, какой на миніатюрѣ 586 г. изображенъ на обоихъ разбойникахъ[1]). На распятыхъ не показаны концы рукавовъ, отмѣченные однако параллельными чертами у нѣкоторыхъ иныхъ фигуръ блюда, а потому мы должны недоумѣвать, забылъ-ли мастеръ по небрежности обозначить концы рукавовъ, или же напрасно продолжилъ на руки орнаменты, обозначающіе узоры одежды, забывъ обозначить край коловіи, спускающійся вертикально съ плечей. Первая возможность, какъ менѣе сложная, кажется болѣе вѣроятной, а въ такомъ случаѣ въ композиціи Распятія на сирійскомъ блюдѣ окажется еще одна подробность, не находящая себѣ аналогіи среди остальныхъ древнѣйшихъ изображеній Распятія.

Детали одеждъ, конечно, вовсе не стремятся передать узоры тканей со всею точностью, но двѣ основныя схемы узоровъ пирамидки изъ кружковъ и наклонно пересѣкающіяся полосы съ какою-либо фигурой въ срединѣ образуемыхъ ими ромбовъ — встрѣчаемъ мы, какъ на иныхъ произведеніяхъ восточной торевтики, такъ и на самихъ древнихъ тканяхъ.

Пирамидками изъ кружковъ или точекъ нерѣдко украшены одежды различныхъ фигуръ, изображенныхъ на серебряныхъ блюдахъ, напримѣръ, на одеждѣ царя на блюдѣ Парижской Національной Библіотеки[2]), на одеждѣ охотника на неизданномъ кувшинѣ ген. В. Н. Орлова, на одеждахъ женщины, ѣдущей на чудовищѣ на блюдѣ Императорскаго Эрмитажа[3]), на одеждахъ женщинъ на серебряномъ кувшинѣ (тамъ-же), на одеждахъ разныхъ фигуръ на многократно упоминаемомъ блюдѣ Парижской Національной Библіотеки[4]). На томъ-же самомъ блюдѣ, а также на одной серебряной чашкѣ г-на Исаковича[5]), находимъ мы и второй узоръ изъ пересѣкающихся линій.

На тканяхъ IV—VIII вѣковъ, находимыхъ въ христіанскихъ кладбищахъ Египта, очень часто встрѣчается, такъ или иначе осложненный, узоръ изъ наклонно пересѣкающихся линій съ точкою или чѣмъ инымъ въ серединѣ[6]); этотъ узоръ назывался на Руси «денежка»[7]).

Относительно обоихъ узоровъ очевидно, что они передаютъ величину рисунка матеріи лишь условно, а потому напрасно было бы и искать среди сохранившихся древнихъ матерій столь крупныхъ узоровъ того и другого вида.

Отъ всѣхъ остальныхъ одеждъ узоромъ своимъ отличается одежда ангела, откатывающаго камень отъ Гроба Господня: хотя одежды его по Евангелію были бѣлы, какъ снѣгъ, но на блюдѣ узоръ ихъ ближайшимъ образомъ напоминаетъ перья. Такъ точно передаютъ перья многія сасанидскія и позднѣйшія восточныя серебряныя издѣлія, исчислять которыя было бы тѣмъ болѣе излишне, что и на описываемомъ блюдѣ такъ-же, но нѣсколько попроще, изображены перья пѣтуха и крыльевъ

---

[1]) См. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 360. По каноническимъ Евангеліямъ Христосъ распятъ былъ, повидимому, нагимъ. Но уже на древнѣйшихъ реальныхъ изображеніяхъ Распятія (см. рис. 5 и рис. 6) онъ изображается препоясаннымъ узкой полосой матеріи и апокрифическія Дѣянія Пилата въ ихъ древней редакціи говорятъ: A. X. 1: ἐξέδυσαν αὐτὸν τὰ ἱμάτια αὐτοῦ καὶ περιέζωσαν αὐτὸν λέντιον (Evangelia apocrypha, edd. Tischendorf. 2-ed., p. 246). Между тѣмъ позднѣйшая ихъ редакція, очевидно въ зависимости отъ изображеній распятаго Христа въ коловіи, передѣлываетъ это мѣсто такъ: B. X. 3: ἔπειτα ἐξέδυσαν τὸν Ἰησοῦν, καὶ ἔλαβον τὰ ἱμάτια αὐτοῦ οἱ στρατιῶται καὶ διεμερίσαντο ταῦτα πρὸς ἑαυτούς. αὐτῷ δὲ ἐνέδυσαν ῥάσον κόκκινον.... (ibidem, p. 305).

[2]) Рис. см. Monumenti inediti III, tav. LI; Dieulafoy, L'Art Perse. V, fig. 94; и др.

[3]) Неиздано. См. Извѣстія Общ. Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. XII. 1894 г., стр. 198 сл.

[4]) См. стр. 9 прим. 2.

[5]) Въ г. Грозномъ. Рельефы на выпуклой сторонѣ: охотники по краю, чудовище въ центрѣ. Неиздана.

[6]) Forrer, Römische und byzantinische Seidentextilien, taf. III, 5; VIII, 3, 4 u. 5; X, 1 u. 2; XII, 2; Gerspach. Les tapisseries coptes, fig. 87, 91, 97, 122, 128, 146. Riegl, Die ägyptischen Textilfunde etc. taf. VI.

[7]) Савваитовъ, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и т. д. См. послѣднюю таблицу, рис. 4 и 5.

парящихъ ангеловъ, и, наконецъ, точно такъ-же, какъ одежда ангела этого, раздѣлана и верхняя часть праваго крыла его. Но по сравненію съ крыльями другихъ ангеловъ и съ крыломъ пѣтуха, оказывается, что направленіе, данное мастеромъ перьямъ въ этой части крыла, не вѣрно: перья эти неестественнымъ образомъ ростутъ снизу вверхъ.

Можно было бы просто предположить, что мастеръ лишь по несообразительности отдѣлалъ всю сосѣднюю плоскость одежды ангела такъ, какъ онъ долженъ былъ обозначить только верхнія части его крыльевъ, если бы не имѣлось многочисленныхъ свидѣтельствъ изъ позднe-римскаго времени объ особаго рода узорныхъ тканяхъ, называвшихся vestes plumatae: этотъ эпитетъ считаютъ обозначающимъ технику вышивки «гладью», онъ прилагается къ узорамъ самаго разнообразнаго содержанія[1]), но ближе всего подходитъ, конечно, къ чешуеобразнымъ разноцвѣтнымъ узорамъ, наиболѣе напоминающимъ перья. Марквардтъ указываетъ на ткань такого рода, изображенную на диптихѣ[2]) Константинопольскаго консула 541 года Василія, мы же интересную аналогію разсматриваемому изображенію ангела въ одеждѣ, украшенной на подобіе перьевъ, видимъ въ одномъ большомъ, но, къ сожалѣнію, сильно попорченномъ, кускѣ цвѣтной ткани египетскаго происхожденія въ Императорскомъ Эрмитажѣ[3]), гдѣ двѣ Побѣды, несущія круглый медальонъ съ неразличимымъ теперь изображеніемъ[4]), одѣты въ пестрыя ткани, ясно воспроизводящія узорами своими рисунокъ и цвѣта павлиньихъ перьевъ.

Жезлъ въ рукахъ ангела кончается на верху большимъ дискомъ, украшеннымъ кружками, что̀ придаетъ ему сходство съ рипидою. Но на древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ рипиды такой формы не имѣютъ; только въ XI-омъ и слѣдующихъ вѣкахъ встрѣчаемъ мы рипиды подобной формы въ рукахъ ангеловъ, исполняющихъ роль діаконовъ при Христѣ, Который совершаетъ евхаристію. Здѣсь же рипида была бы совершенно не у мѣста. Поэтому очевидно, что обычная въ греческихъ памятникахъ форма ангельскаго жезла, имѣющаго иногда на концѣ небольшой шарикъ, по непониманію его смысла искажена здѣсь сирійскимъ мастеромъ, который далъ въ руки ангелу тотъ-же самый предметъ, что̀ и воинамъ у креста и стерегущимъ гробницу. У воиновъ же это — очевидно булава, состоящая изъ палки съ насаженнымъ на нее металлическимъ или каменнымъ шаромъ, хотя относительная величина послѣдняго, повидимому, нѣсколько преувеличена противъ дѣйствительности. Замѣна булавами обычнаго на греческихъ памятникахъ вооруженія воиновъ копьемъ и мечемъ можетъ быть объясняема отчасти, какъ говорено было выше, стремленіемъ къ реальной передачѣ обстановки Распятія (см. стр. 18), отчасти же привычкою мастера къ этого рода оружію, которое употребительно было въ Месопотаміи съ древнѣйшихъ временъ, какъ видно изъ свидѣтельства Геродота (VII, 63) о «деревянныхъ дубинахъ съ желѣзными шишками» у Ассирійцевъ и изъ каменнаго набалдашника съ древне-халдейскою надписью въ собраніи В. С. Голенищева въ С.П.Б.

На серебряной чашкѣ съ пехлевійскою надписью собранія гр. С. Гр. Строгонова[5]) одинъ изъ прислужниковъ оглушаетъ свинью ударомъ палки съ круглымъ, очевидно шарообразнымъ, набалдашникомъ, размѣры котораго однако значительно менѣе, чѣмъ на блюдѣ. Подобную-же форму имѣетъ булава и въ рукахъ всадника на обрывкахъ шелковыхъ тканей[6]), вышедшихъ изъ греческихъ мастер-

---

[1]) См. многочисленныя цитаты у J. Marquardt'a, Das Privatleben der Römer. Leipzig. 1879, стр. 521—524.

[2]) См. о немъ Molinier, Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. T. I, стр. 33 сл., № 37. Старый рис. у Gori, Thesaurus veterum diptychorum. Vol. I, tab. XX, новый — по фотографіи въ журналѣ L'arte. I, 1898, p. 102, fig. 14; перья на плащѣ консула изображены, какъ и на одеждѣ ангела на блюдѣ, концами вверхъ.

[3]) Средневѣковое Отдѣленіе, въ кабинетѣ хранителя.

[4]) Ср. подобнаго рода композицію на ткани такого-же рода South-Kensington'скаго музея, гдѣ два ангела несутъ вѣнокъ съ крестомъ внутри его, изданной въ Portofolio of Egyptian Art. Part. 1, и на гребнѣ слоновой кости Гизехскаго Музея (Römische Quartalschrift. 1898, taf. I.), гдѣ въ вѣнкѣ изображенъ, вѣроятно, владѣлецъ или заказчикъ (ср. печать съ изображеніемъ всадника въ той-же позѣ — Archaeologia. Vol. XLVIII. London. 1884, p. 26, fig. 10).

[5]) См. рис. въ Archäologische Zeitung. 1843 г., табл. X.

[6]) Съ именами мастеровъ (Евреевъ? ср. Waddington. № 1854) Ζαχαρίου (Forrer, Römische und byzantinische Seidentextilien. Taf. VII, fig. 1 и Portofolio of Egyptian Art. Part. 5) и Ἰωσὴφ (Forrer, l. c. V. 1); по мнѣнію англійскаго издателя «probably Syrian or Byzantine 7th—9th century», Forrer же (l. c., стр. 15) значенія надписей не понялъ и относитъ ткани къ IV-му вѣку.

скихъ Египта или, скорѣе, Сиріи вѣроятно VI или VII вѣка: на одной набалдашникъ булавы круглый, на другой заостренный кверху. Въ описаніи вооруженія воиновъ Хозроя Ануширвана (531—579 гг.) упоминаются и палицы [1]), но мы не знаемъ, имѣются-ли здѣсь въ виду булавы, вродѣ указанныхъ выше, или же дубины, вродѣ тѣхъ, которыя изображены у бойцовъ на одномъ серебряномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [2]). Палицы являются обычнымъ оружіемъ у миѳическихъ героевъ и сасанидскихъ царей въ «Книгѣ Царей» Фирдуси: на миніатюрахъ XVI и слл. вѣковъ, ее иллюструющихъ, палица Рустема имѣетъ обыкновенно набалдашникъ въ видѣ бычачьей головы, но бываютъ и просто круглые [3]). Какъ такого рода булавы съ насаженнымъ набалдашникомъ, такъ и палицы, окованныя желѣзомъ или усаженныя гвоздями, равно какъ и «шестоперы» (у Персовъ *«шеш-пер»* = «шестокрылъ»), у которыхъ набалдашникъ состоитъ изъ шести или болѣе вертикальныхъ пластинокъ, были весьма распространены въ средніе вѣка въ Персіи, Индіи, Турціи и перешли оттуда и въ Европу, сохранивъ на Руси, въ Польшѣ и въ Венгріи свои восточныя имена, напр. буздыганъ, и служили не только оружіемъ, но и знакомъ власти, какъ гетманская булава. Въ Россіи, Скандинавіи и другихъ странахъ очень часто находимы каменные, бронзовые и желѣзные набалдашники разныхъ формъ отъ оружія подобнаго тому [4]), которымъ мастеръ описываемаго блюда вооружилъ не только воиновъ, но даже благовѣствующаго мироносицамъ ангела.

Правыя руки обоихъ воиновъ, стерегущихъ гробъ, изображены одинаково. Пальцы согнуты въ кулакъ кромѣ указательнаго, который вытянутъ: далеко выдающуюся безформенную полоску нельзя считать продолженіемъ большого пальца, такъ какъ, несмотря на всю свою неумѣлость въ рисункѣ, мастеръ не могъ, конечно, придать ему такой невозможной длины. Таковъ-же и жестъ праваго воина, сидящаго подъ крестомъ; вѣроятно, таковъ-же былъ бы онъ и у лѣваго тамъ-же, если бы рука его не уперлась въ основаніе креста. Если въ жестахъ воиновъ подъ крестомъ можно предполагать особаго рода игру, состоящую въ угадываніи числа выкинутыхъ пальцевъ, какъ изображены воины, дѣлящіе ризы Господни, на миніатюрѣ Рабулы (см. рис. 2 и ср. выше стр. 5), то для воиновъ передъ Гробомъ жестъ этотъ долженъ быть объясняемъ, очевидно, иначе. Въ изслѣдованіи о жестахъ Грековъ и Римлянъ [5]) упоминанія о подобномъ жестѣ находятся, какъ изъ временъ классической древности, такъ и для позднеримскаго времени и даже для средневѣковой Европы, но мы не припоминаемъ изображеній его на памятникахъ позднe-античныхъ и христіанскихъ. За то этотъ самый жестъ является весьма характернымъ и весьма обычнымъ на памятникахъ сасанидскихъ, гдѣ онъ, по всей видимости, имѣетъ значеніе глубочайшаго почтенія передъ лицемъ божества или персидскаго «царя царей», т. е. является жестомъ адораціи и, слѣдовательно, по смыслу вполнѣ подходитъ къ положенію устрашенныхъ воиновъ.

Съ такимъ жестомъ лѣвой руки изображена передъ серпомъ мѣсяца съ бюстомъ внутри его, — т. е., очевидно, въ поклоненіи божеству мѣсяца, — одна изъ женщинъ на многократно упоминавшемся блюдѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ (см. стр. 9, прим. 2); съ такимъ-же жестомъ лѣвой руки царь Ардеширъ I Бабеганъ (226—242), принимаетъ вѣнокъ изъ рукъ Ормузда на двухъ рельефахъ на скалахъ Персіи [6]); царь же (судя по головному убору) дѣлаетъ этотъ жестъ, относящійся,

---

[1]) Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. (Извлеченія изъ Табари), стр. 249, ср. 96, пр. 4.

[2]) См. о немъ Извѣстія Общ. Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. Т. XII (1894), стр. 199 сл.

[3]) См. Demmin, Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwickelungen. 1891, стр. 788, рис. 10 A и 10 B.

[4]) См. R. Murdoch Smith, Persian Art. 1895, стр. 41. «Shishpar or six wings» . . .; Demmin, l. l. стр. 152, рис. 35, индійскій «Shushbur» съ весьма большимъ кругомъ на верху, больше чѣмъ на блюдѣ, но сплошнымъ безъ обозначенія «перьевъ»; стр. 176; 785—788 съ рис.; W. Boeheim, Handbuch der Waffenkunde. 1890, стр. 358, рис. 419 и стр. 362 слл. Саввaитовъ, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и т. д. см. слова: «булава» и «шестоперъ». Приводимая имъ цитата 1492 г.: «. . . . не саблями свѣтлыми били ихъ . . . ., но . . . . аки свиней шестоперы», — показываетъ, что и у насъ пользовались иногда оружіемъ такъ-же, какъ то изображено на строгоновской чашкѣ.

[5]) Die Gebärden der Griechen und Römer von C. Sittl. Leipzig. 1890; см. стр. 179 и 162.

[6]) Coste et Flandin, Voyage en Perse, pl. 182: Накшъ-и-Рустамъ, и pl. 192: Накшъ-и-Реджебъ; то-же было, вѣроятно, и на поврежденномъ рельефѣ Фирузъ-Абада, ibidem. pl. 44.

быть можетъ, къ женской фигурѣ (Анаиты — богини источниковъ?) на рельефѣ надъ источникомъ близъ Шираза (Coste et Flandin. pl. 56). А на многихъ иныхъ рельефахъ такой-же жестъ правою рукой дѣлаютъ воины, вельможи и иные сопровождающіе Сасанидовъ простые смертные, которые здѣсь воздаютъ, очевидно, божескія почести царямъ, именовавшимъ себя «богами», «братьями Солнца и Мѣсяца», «совосходящими съ Солнцемъ», «сопрестольными богу Миорѣ» и т. п. [1]).

Эрн. Бабелонъ, описывая парижское блюдо, замѣчаетъ по поводу жеста этого, что Персы заимствовали его у Ассирійцевъ и что онъ назывался *nis qati*, но мы не считаемъ себя компетентными судить объ основательности этого замѣчанія и не можемъ его вполнѣ провѣрить [2]).

Оригинальная форма ореола, въ которомъ ангелы возносятъ Христа, не находитъ себѣ аналогіи среди греческихъ памятниковъ, а потому объясненіе тѣмъ четыремъ листьямъ, которыми украшены края ореола и которые вовсе не соотвѣтствуютъ ни сіянію небеснаго цвѣта, ни лучезарному облаку, ни огненной сферѣ, какими представлялись грекамъ подобные ореолы, можно искать, кажется, въ орнаментальныхъ пріемахъ сасанидскаго искусства, вліяніе котораго сказывается на разсматриваемомъ блюдѣ во многихъ отношеніяхъ. Пара такихъ-же листьевъ, составляющихъ каждый какъ бы половину пальметки о пяти листикахъ, украшаетъ и края фронтона Гроба Господня и такое-же примѣненіе подобныхъ листьевъ для украшенія контуровъ различныхъ фигуръ находимъ мы на многихъ сасанидскихъ и зависящихъ отъ нихъ саракинскихъ и иныхъ памятникахъ, тогда какъ на античныхъ памятникахъ позднихъ временъ, если и встрѣчаются довольно часто аканоовые листья, какъ-бы выростающіе изъ скатовъ фронтоновъ, то они отгибаются наружу, т. е. вверхъ, а не внутрь фронтона.

Близкую аналогію лиственной рамкѣ ореола представляетъ серебряный кувшинъ кн. В. Н. Орлова: поверхность его раздѣлена на три круга рельефными полосами, къ которымъ со внутренней стороны примыкаютъ подобія листьевъ; чисто орнаментальное значеніе этихъ листьевъ видно изъ того, что они выступаютъ и на лобъ и на щеки лица, помѣщеннаго въ одинъ изъ круговъ. Отдѣльные листья о трехъ лепесткахъ встрѣчаются иногда даже на животныхъ: спина и верхняя часть задней ноги лежащаго оленя на чашѣ собранія гр. С. Гр. Строгонова [3]) украшены подобными полулистами о трехъ выступахъ, обращенными внутрь фигуры; тройной листъ помѣщенъ на лопаткѣ чудовищнаго крылатаго верблюда на серебряномъ кувшинѣ того-же собранія [4]) и такими-же, но выступающими отъ рамки гораздо болѣе, чѣмъ на описываемомъ блюдѣ, листьями заполненъ мѣстами фонъ. У чудовищнаго дракона на блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [5]) лопатка украшена большимъ тройнымъ листомъ, а отъ полосы, образующей контуръ груди, отдѣляются внутрь фигуры два двойныхъ листика; у подобнаго-же дракона на кувшинѣ В. Кн. Алексѣя Александровича [6]) отъ чешуйчатой полосы по краю груди и хребта отдѣляются и заполняютъ всю ширину шеи большіе тройные листья по три съ каждой стороны; подобные-же листики видимъ у того-же чудовища на шелковыхъ сасанидскихъ тканяхъ [7]) и на одеждѣ царя (Хозроя II?, 591—628 гг.) на рельефѣ Тахть-и-Бостана [8]). Вліяніемъ сасанидскихъ издѣлій разнаго рода на искусство Востока послѣдующихъ временъ надо объяснить присутствіе такого рода листьевъ на различныхъ частяхъ животныхъ, иногда исполненныхъ въ остальномъ весьма реально,

---

[1]) См. рис. у Coste et Flandin, pl. 44, 49, 50, 52, 56, 185, 186, 188, 192.

[2]) Ern. Babelon, Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale. Choix des principaux monuments, стр. 170; авторъ слѣдуетъ здѣсь, повидимому, за Одобеско (Gazette Archéologique. 1886 стр. 13:... selon le rite du nis-Kati mazdéen), который ссылается на Менап'а (La glyptique orientale. I стр. 192), но послѣдній говоритъ лишь о древне-халдейскихъ цилиндрахъ: ...la main droite elevée (nis kati), и на приложенныхъ рисункахъ рука изображается иногда съ открытою ладонью, а не съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

[3]) См. рис. у Köhler'a, Gesammelte Schriften. T. VI, taf. 7 и Aspelin, l. c. № 617.

[4]) См. рис. въ Отчетѣ Имп. Арх. Комм. за 1878—79 гг., стр. 153; Gazette Archéologique. 1886, pl. 11; Русскія Древности. Вып. III, рис. 96.

[5]) См. рис. въ Отчетѣ Имп. Арх. Комм. за 1875 г., табл. IV, и Русскія Древности. Вып. III, рис. 94.

[6]) Неизданъ. Найденъ въ 1823 году въ Харьковской губерніи. Едва-ли справедливо относитъ его къ X-му вѣку. См. Русскіе Клады, т. I, стр. 12.

[7]) Cahier et Martin, Mélanges d'archéologie. Vol. III, pl. XIV. Gay, Glossaire archéologique. Vol. I, p. 572.

[8]) См. детальный рис. J. de Morgan'a въ его Mission scientifique en Perse. VI, p. 323, fig. 189.

на произведеніяхъ мусульманскаго искусства, напр. въ росписи потолка Палатинской капеллы въ Палермо XII в.[1]), и даже въ византійскихъ памятникахъ: напр. на груди и на брюхѣ фантастическаго гиппопотама въ миніатюрахъ изъ Космы Индикоплова, заключающихъ лицевой физіологъ XII в. въ Смирнѣ[2]). Особенно же часто встрѣчается пріемъ этотъ на различныхъ византійскихъ и саракинскихъ тканяхъ, гдѣ животнымъ придаются обыкновенно орнаментальныя формы и детали.

Оригинальная форма горки, на которой утвержденъ крестъ Христа, т. е. Голгоѳы, близко напоминаетъ тѣ схематическія обозначенія земли, которыя помѣщаются для заполненія пустого мѣста или для декораціи нижней части композицій на серебряныхъ сасанидскихъ и близкихъ къ нимъ серебряныхъ издѣліяхъ. На издѣліяхъ наиболѣе тщательныхъ подобные выступы раздѣлываются болѣе реальнымъ образомъ: или выемками, означающими пещеры или впадины скалъ, какъ на одномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа съ изображеніемъ неопредѣленнаго Сасанида[3]), на сасанидскомъ блюдѣ съ изображеніемъ волка въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ[4]) и на серебряномъ кувшинѣ арабскаго уже, повидимому, времени въ Лионскомъ Археологическомъ Музеѣ[5]), или же рисунками кустиковъ и травъ, какъ на неизданномъ еще блюдѣ собранія гр. С. Г. Строгонова съ изображеніемъ одного изъ послѣднихъ Сасанидовъ[6]), на неизданномъ сосудѣ сложной формы г-на Ханенки въ Кіевѣ, на неизданномъ серебряномъ кувшинѣ изъ Персіи въ Британскомъ Музеѣ, на неизданномъ-же серебряномъ кувшинѣ, поднесенномъ Ихъ Величествамъ Кунгурской Хлѣбниковской Публичной Библіотекой, и на извѣстномъ серебряномъ кувшинѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ, причемъ на послѣднемъ выступы эти имѣютъ полукруглую форму[7]). Но на замѣчательномъ, къ сожалѣнію не изданномъ, блюдѣ Британскаго Музея съ изображеніемъ царя Бахрамъ-Гура (420—439)[8]) выступы эти, помѣщенные тутъ въ два ряда и напоминающіе такимъ образомъ изображенія горъ на ассирійскихъ и древне-персидскихъ рельефахъ, имѣютъ внутри лишь коротенькія, попарно вырѣзанныя, черточки, схематичность которыхъ напоминаетъ пирамидки описываемаго блюда, а на сильно попорченномъ сасанидскомъ-же блюдѣ гр. Гр. С. Строгонова въ Римѣ[9]) подобнаго рода выступы раздѣланы внутри чертами, означающими повидимому растенія, и пирамидками изъ трехъ точекъ каждая.

Такимъ образомъ и форма и орнаментація Голгоѳы на описываемомъ блюдѣ оказывается зависящей отъ декоративныхъ пріемовъ сасанидской торевтики.

Особенно же сказалось вліяніе искусства сасанидской Персіи на изображеніяхъ животныхъ: нѣтуха и львовъ, которые исполнены всецѣло по соотвѣтствующимъ персидскимъ образцамъ и рѣзко отличаются отъ греческихъ памятниковъ, какъ бо́льшею стилизаціей и условностью, такъ и нѣкоторыми характерными деталями.

Нѣтухъ изображенъ довольно плохо и значительно уступаетъ персидскому-же изображенію его на одномъ рѣзномъ камнѣ[10]): здѣсь весь складъ туловища и постановка вовсе не похожи на нѣтушьи,

---

[1]) См. А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. Рисс. 60, 88, 89, 91, 95, 99, 102, 105 и 106.

[2]) Фотографія этой миніатюры (въ рк. листъ 18 об.) имѣется въ собраніи фотографій Имп. Правосл. Палестинскаго Общества № 2834 а. См. Археологическія Извѣстія и Замѣтки. 1898 г. стр. 34.

[3]) См. рис. въ Отчетѣ Импер. Археол. Комм. за 1867 г. табл. III, рис. 1; Русскія Древности. Вып. III, рис. 83.

[4]) Неиздано. Фотографія Giraudon'a № B. 539.

[5]) См. рис. въ Gazette Archéologique. 1886 г., pl. 10.

[6]) О находкѣ блюда этого см. Антропологическая Выставка. Т. II, стр. 361, № IV.

[7]) Cahier et Martin, Mélanges d'Archéologie. T. III, стр. 124; Dieulafoy, L'art de la Perse. T. V, fig. 95—96.

[8]) Принадлежало A. W. Franks'y; происходитъ изъ Индіи. Императорскій Эрмитажъ владѣетъ древнею его копіей. Опредѣлевіе царя Сапоромъ II (310—381), значащееся на этикетѣ Британскаго Музея, кажется мнѣ не вѣрнымъ, такъ какъ головной уборъ царя болѣе сходенъ съ уборомъ Бахрамъ-Гура на его монетахъ, а самая изображенная сцена является иллюстраціей къ одному изъ многихъ разсказовъ объ этомъ столь популярномъ царѣ, сохраненному въ Книгѣ Царей Фирдуси (см. переводъ Mohl'я, изданіе in 8°, т. V, стр. 530 сл.). Въ Archaeologia. Vol. LV, Part. II. 1897, p. 534 издано какое-то сасанидское блюдо Британскаго Музея, но, не имѣя надъ руками изданія этого, мы не знаемъ какое именно, это-ли или другое изъ трехъ блюдъ Franks'a.

[9]) Рис. (плохой) у Aspelin'a, l. c. № 613.

[10]) Національной Библіотеки въ Парижѣ. По каталогу Chabouillet № 1226; рис. см. у Imhoof Blumer und Otto Keller, Tier- und Pflanzendarstellungen auf Münzen und Gemmen. Табл. III, рис. 30.

шпоры пропущены, рисунокъ хвоста также мало похожъ на хвостъ пѣтуха, черты, раздѣляющія перья его, идутъ не параллельно контурамъ хвоста, наконецъ никакого, повидимому, основанія въ дѣйствительности не имѣетъ пучекъ перьевъ, идущій наклонно внизъ изъ угла, образованнаго нижнею частью крыла и заднимъ контурамъ ноги: у пѣтуховъ такихъ перьевъ намъ никогда видать не приходилось. Эта деталь перенесена мастеромъ на пѣтуха, повидимому, съ изображеній иныхъ птицъ: такъ на сасанидскомъ серебряномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [1]) подобный пучекъ перьевъ видимъ у фазана, занимающаго средину блюда, и у трехъ малыхъ изображеній также, по всей видимости, фазановъ на краяхъ блюда; на серебряной чашкѣ въ средневѣковомъ отдѣленіи того-же собранія у павлиновъ эти пучки, каждый изъ двухъ перьевъ, имѣютъ особенную длину и кажутся даже волочащимися по землѣ.

Мы не знаемъ примѣровъ такого рода перьевъ въ дѣйствительности: у нѣкоторыхъ куриныхъ перья свѣшиваются нѣсколько со спины около хвоста надъ концами крыльевъ, но не тамъ, гдѣ помѣщаютъ висящія перья сасанидскіе художники. Если подобныя-же перья изображаются иногда [2]) у хищныхъ птицъ, то тамъ они являются, повидимому, ошибочнымъ изображеніемъ перьевъ, растущихъ на самой верхней части лапъ и свѣшивающихся внизъ на подобіе штановъ [2]). Для изображеннаго-же на блюдѣ пѣтуха объясненіе этимъ перьямъ надо предполагать, слѣдовательно, лишь въ условной традиціи сасанидскаго искусства.

Крыло пѣтуха и четырехъ парящихъ ангеловъ раздѣляется поперечною изогнутой полосой на двѣ части: верхнюю, покрытую короткими чешуеобразными перьями, и нижнюю, состоящую изъ длинныхъ и широкихъ перьевъ: такой полосы въ дѣйствительности у птицъ не бываетъ, а между тѣмъ у ангела, стоящаго у Гроба, полоса эта изображена очень широкою, ограничена сверху и снизу особыми полосками, усажена въ срединѣ кругами и позолочена. Такимъ образомъ здѣсь этой полосѣ придано уже чисто орнаментальное значеніе, въ каковомъ она оказывается уже на древне-греческихъ архаическихъ живописныхъ изображеніяхъ птицъ и иныхъ фигуръ, находящихся въ зависимости отъ издѣлій, преимущественно тканей, древняго Востока.

На серебряныхъ издѣліяхъ средневѣковаго Востока такого рода орнаментальныя полосы на крыльяхъ встрѣчаемъ мы очень часто: напр., у фазана на блюдѣ Императорскаго Эрмитажа № 1416, у павлина, нарисованнаго на небольшомъ блюдѣ средневѣковаго отдѣленія Эрмитажа (неизданномъ), на кувшинѣ, поднесенномъ Ихъ Величествамъ Кунгурскою Библіотекой, и на блюдѣ собранія гр. С. Гр. Строгонова [3]), — изображенная на этомъ блюдѣ хищная птица съ добычею въ когтяхъ представляется какъ-бы варварской копіей съ изображеній, украшающихъ обѣ стороны вышеупомянутаго кувшина, — также у фантастическихъ чудовищъ на чашкѣ г-на Исаковича (см. стр. 24, пр. 5), на блюдѣ съ изображеніемъ флейтщицы (см. стр. 24, пр. 3) и т. д.

На блюдѣ гр. Строгонова и на упомянутой выше (стр. 27, прим. 7) сасанидской шелковой ткани эти полосы украшены даже рядомъ кружковъ, какъ и у ангела у Гроба. Такое-же украшеніе ихъ находимъ мы и на позднѣйшихъ восточныхъ и византійскихъ издѣліяхъ, напр. на удивительномъ эмалевомъ кувшинѣ въ монастырѣ St. Maurice d'Agaune во Франціи [4]) и на множествѣ различныхъ тканей и подражающихъ имъ рельефовъ церковныхъ преградъ въ Греціи [5]) и Италіи [6]) и тѣмъ болѣе на различныхъ произведеніяхъ мусульманскаго искусства, стоящаго въ тѣснѣйшей зависимости отъ сасанидскаго [7]).

---

[1]) № 1416. Неизданъ.

[2]) См. напр. хищную птицу на кувшинѣ, бывшемъ Кунгурской Библіотеки, на серебряномъ блюдѣ Эрмитажа варварской работы, найденномъ въ Глазовскомъ уѣздѣ въ 1891 г., и на нѣкоторыхъ памятникахъ мусульманскихъ временъ.

[3]) См. рис. въ Отчетѣ Арх. Комм. за 1878—79 гг., стр. 152, и Русскія Древности, вып. III, рис. 95.

[4]) См. рис. у Ed. Aubert, Trésor de l'abbaye de St. Maurice d'Agaune. Paris. 1872, табл. XIX—XX и XXI—XXII.

[5]) См. напр. рисунки такой декоративной плиты изъ Аѳинъ (едва-ли однако VIII вѣка, скорѣе позднѣе) у Cattaneo, L'architecture en Italie du VI au XI siècle, fig. 19.

[6]) Тамъ-же, рис. 25, 46, 138.

[7]) См. напр. А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. Рис. 85, 93, 104, 105.

Но сколь бы ни былъ распространенъ пріемъ изображенія крыльевъ съ этою условною поперечной полосой, все-же помѣстивъ ее, да еще столь широкую, на крылья ангела, мастеръ нашего блюда показалъ этимъ полное художественное непониманіе, т. к., то, что можетъ быть допущено въ фигурахъ декоративныхъ и тѣмъ болѣе у фантастическихъ чудовищъ, вовсе неумѣстно у этого ангела, который является дѣйствующимъ лицемъ одного изъ главныхъ изображеній: не говоря уже о греческихъ памятникахъ, мы не находимъ этихъ орнаментальныхъ полосъ ни у ангеловъ на блюдѣ гр. Гр. С. Строгонова (см. рис. 3), ни у двухъ побѣдъ или какихъ-либо геніевъ на извѣстномъ сасанидскомъ рельефѣ Тахтъ-и-Бостана [1]).

Такое-же рѣзкое отступленіе отъ дѣйствительности оказывается и въ изображеніи двухъ львовъ по сторонамъ Даніила: эти львы изображены пятнистыми, причемъ пятна означены пирамидками изъ мелкихъ кружковъ. Столь рѣзкихъ отступленій отъ природы въ изображеніи животныхъ, — которыя вообще въ восточномъ искусствѣ производятъ всегда впечатлѣніе большей жизненности и правдивости, чѣмъ изображенія людей, — мы не привыкли встрѣчать на сасанидскихъ памятникахъ, не говоря, конечно, о завѣдомыхъ изображеніяхъ чудовищъ: животныя не избѣгаютъ, конечно, той-же стилизаціи, что и человѣческія фигуры, ихъ формы нерѣдко далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но такое рѣзкое отступленіе отъ природы казалось бы возможнымъ только для ремесленника, дѣлавшаго описываемое блюдо. Нѣчто подобное оказывается, однако, на одномъ изъ лучшихъ по тщательности работы серебряныхъ блюдъ сасанидскаго времени, а именно: на замѣчательномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа [2]), гдѣ туловище льва раздѣлано мельчайшими черточками, обозначающими шерсть, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ размѣщены такъ, что образуютъ круглыя пятна [3]), которыя могутъ быть замѣчены лишь при внимательномъ взглядѣ и вовсе не бросаются въ глаза столь рѣзко, какъ треугольныя пятна на львахъ сирійскаго блюда. Ближайшая же аналогія послѣднимъ является на парѣ небольшихъ серебряныхъ блюдъ Эрмитажа [4]): на нихъ пирамидками, изъ трехъ кружковъ каждая, раздѣланы туловища грифа и собаки на одномъ, и оленя и собаки на другомъ; конечно, нельзя отрицать возможности пятенъ на каждомъ изъ изображенныхъ животныхъ, но присутствіе пятенъ на всѣхъ ихъ показываетъ, что мастеръ пользовался этимъ пріемомъ оживленія большихъ гладкихъ пространствъ туловищъ столь-же механически и безсознательно, какъ и мастеръ описываемаго блюда, который не сообразилъ даже неумѣстности пятенъ на львахъ. Оба эрмитажныя блюда относятся, повидимому, ко временамъ болѣе позднимъ, чѣмъ эпоха Сасанидовъ, но дѣлать отсюда такое-же заключеніе и о сирійскомъ блюдѣ намъ не кажется необходимымъ, тѣмъ болѣе, что львы этого блюда по остальнымъ деталямъ своимъ стоятъ гораздо ближе къ сасанидскимъ изображеніямъ ихъ, чѣмъ звѣри эрмитажныхъ блюдъ. Особенно ясно это въ передачѣ лапъ и головъ. Рѣзкое обозначеніе мускулатуры переднихъ ногъ, значительная длина лапъ ниже щиколки, означаемой рѣзкимъ кругомъ, рѣзкое дѣленіе чертами одного пальца лапъ отъ другого и когтей отъ пальцевъ — всѣ эти черты находятся и на несомнѣнно сасанидскихъ изображеніяхъ львовъ и тигровъ, а именно, кромѣ только что указаннаго эрмитажнаго блюда, у тигровъ на неизданномъ блюдѣ въ собраніи гр. С. Гр. Строгонова (см. стр. 28, прим. 6), у львовъ на кувшинѣ Парижской Національной Библіотеки (см. стр. 28, прим. 7) и у чудовища со львиными лапами на кувшинѣ В. Кн. Алексѣя Александровича, причемъ на двухъ кувшинахъ находимъ такія-же неестественныя поперечныя полосы на мускулахъ переднихъ лапъ,

---

[1]) Coste et Flandin, Voyage dans la Perse, pl. 7.

[2]) № 1085. См. рис. въ Отчетѣ Импер. Археол. Комиссіи за 1867, табл. III, рис. 4; Русскія Древности. III, рис. 84. Это единственное блюдо, гдѣ конный охотникъ не имѣетъ царскаго головнаго убора. На оборотѣ пехлевійская надпись. Описываемой подробности на указанныхъ выше рисункахъ не передано, но она ясно видна на рисункѣ, приложенномъ къ «Опыту о костюмѣ и оружіи гладіаторовъ» А. О. 1835 г. Pl. XXVIII. рис. 137. = Археологическіе труды А. Н. Оленина. т. II. СПБ. 1882.

[3]) Ср. исполненныя наколотыми точками спирали на горныхъ козлахъ, чешую на грифахъ и какія-то неопредѣленныя пятна на львахъ на серебряномъ сосудѣ сложной формы, принадлежащемъ г-ну Ханенкѣ въ Кіевѣ. Сосудъ этотъ восходитъ, вѣроятно, ко времени Сасанидовъ.

[4]) Найдены въ 1886 г. въ Глазовскомъ уѣздѣ. № 1417 и 1418. Не изданы.

какъ и на сирійскомъ блюдѣ. Однако ни на одномъ сасанидскомъ памятникѣ не находимъ мы такого небрежнаго и грубаго исполненія головъ: космы гривы переданы чисто условнымъ образомъ, уши пропущены вовсе, самая голова имѣетъ безжизненную округлую форму, но въ деталяхъ и тутъ оказывается сходство съ пріемами сасанидскаго искусства: такой-же поворотъ головы въ три четверти при изображеніи туловища въ профиль видимъ мы на изображеніи львовъ на упомянутыхъ эрмитажномъ блюдѣ и парижскомъ кувшинѣ, на неизданномъ еще блюдѣ Эрмитажа [1]), на упоминавшихся уже блюдахъ Эрмитажа [2]) и гр. Гр. С. Строгонова [3]), причемъ на двухъ послѣднихъ, представляющихъ между собою ближайшее сходство во многихъ отношеніяхъ, овалъ верхней части львиныхъ мордъ близко подходитъ къ описываемому блюду, но нижнія челюсти на всѣхъ этихъ изображеніяхъ передаются, хотя также въ невозможномъ поворотѣ въ профиль, но съ большими деталями и большею вѣрностью природѣ: особенно оживляютъ ихъ разинутая пасть, длинный высунутый языкъ и зубы. Эти болѣе тщательныя изображенія львиныхъ мордъ объясняютъ намъ нѣкоторыя детали разсматриваемаго грубо ремесленнаго воспроизведенія ихъ: поперечныя черты на носу должны обозначать складки наморщенной при оскаливаніи зубовъ кожи; гладкія полосы, отдѣляющія морду отъ гривы, должны бы быть раздѣланы космами волосъ, облегающими львиную морду на подобіе бороды; два кружка по сторонамъ носа лѣваго льва означаютъ вздутые выступы губъ, поросшіе торчащими волосами вродѣ усовъ; у праваго-же льва эти кружки изображены совсѣмъ безсмысленно: одинъ выдается на фонѣ внѣ контура морды, другой далеко отошелъ отъ края верхней губы; извилистыя полосы подъ глазами обозначаютъ мускулы на выдающихся скулахъ, которые изображены подобнымъ-же образомъ двумя чертами на неизданномъ эрмитажномъ блюдѣ. Хвосты львовъ на описываемомъ блюдѣ обозначены полосою, идущею вдоль верхняго контура заднихъ ногъ, которыя показаны объ, тогда какъ изъ переднихъ лапъ изображена лишь одна; у праваго льва конецъ хвоста раздѣланъ наклонными линіями, обозначающими волосы кисти, но наклонъ имъ данъ не въ тѣ стороны, какъ бы слѣдовало.

Такимъ образомъ изъ детальнаго разсмотрѣнія блюда слѣдуетъ, что и въ передачѣ тѣхъ частностей, которыя мастеръ заимствовалъ изъ искусства сасанидской Персіи, онъ обнаруживаетъ такую-же неумѣлость и небрежность, какъ и въ передачѣ композицій греческаго происхожденія, а потому и изъ сравненія этого блюда съ блюдами сасанидскими мы не видимъ возможности сдѣлать какіе-либо точные хронологическіе выводы: этому мѣшаютъ, во-первыхъ, неопредѣленность времени большинства привлеченныхъ для сравненія памятниковъ и, во-вторыхъ, твердое сохраненіе формъ и пріемовъ сасанидскаго искусства въ первые вѣка арабскаго владычества. Мы не рѣшаемся по этому даже относить описываемое блюдо непремѣнно къ сасанидскому времени: оно также хорошо могло быть исполнено и въ первые вѣка арабскаго владычества, если предположить, что мастеру попались почему либо въ качествѣ оригиналовъ греческія композиціи нѣсколькими вѣками старше его времени. Несомнѣнно лишь, что блюдо это никакъ не можетъ быть древнѣе половины V-го вѣка, болѣе же вѣроятнымъ временемъ его намъ представляется VI-ое или даже VII-ое столѣтіе по Р. Х., точнѣе же опредѣлить время его было бы возможно лишь имѣя другую точно датированную работу того-же, столь жалкаго въ художественномъ отношеніи, мастера, неумѣлое и небрежное произведеніе котораго не позволяетъ еще заключать объ общемъ паденіи искусства того времени.

Остается выяснить по мѣрѣ возможности вопросъ о назначеніи издаваемаго блюда.

Его форма, ясно выражаемая рисункомъ сбоку, помѣщеннымъ на таблицѣ, вполнѣ тождественна со многими блюдами какъ восточной работы, изъ которыхъ древнѣйшія восходятъ ко временамъ Сасанидовъ, такъ и западной: греческой и римской, исчислять которыя здѣсь было бы слишкомъ долго [4]); достаточно сказать, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ блюдъ относимы ко временамъ Діадоховъ, какъ напр. блюда изъ кладовъ Гильдесгейма и Bosco Reale.

---

[1]) См. о немъ Извѣстія Общ. Ист., Арх. и Эти. при Казан. Унив. 1894, стр. 197.

[2]) См. стр. 10, прим. 1.

[3]) См. стр. 10, прим. 2.

[4]) Подробнѣйшій каталогъ ихъ, равно какъ сасанидскихъ, напечатанъ былъ покойнымъ румынскимъ археологомъ Одобеско въ роскошномъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не появившемся въ свѣтъ, изданіи: Le trésor de Pétrossa.

Судя по значительной ширинѣ и малому углубленію блюдъ, подобныхъ издаваемому нынѣ, они служили скорѣе для помѣщенія на нихъ твердой или какой-либо густой пищи, чѣмъ для жидкостей, которыя изъ сосуда такой формы могли бы легко расплескаться.

Украшеніе описываемаго блюда, какъ и упомянутаго выше блюда гр. Гр. С. Строгонова, христіанскими изображеніями дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе не только о принадлежности блюда этого христіанамъ, но и о назначеніи его для какихъ-либо церковныхъ цѣлей.

Намъ кажется, что оно могло служить для частицъ св. причастія подъ видомъ хлѣба, которыя раздавались причастникамъ въ древности, какъ извѣстно, отдѣльно отъ вина, и доказательство такому предположенію мы видимъ въ одной изъ миніатюръ сирійскаго Евангелія 586 года.

Рис. 11. Изображеніе причащенія въ сирійскомъ евангеліи 586 года.

Около одной изъ орнаментальныхъ рамокъ каноновъ въ евангеліи этомъ находится напротивъ изображенія Входа Господня въ Іерусалимъ миніатюра, которая представляетъ условнымъ образомъ Тайную Вечерю, какъ установленіе таинства литургіи, гдѣ Христосъ и апостолы изображены, какъ священникъ, совершающій литургію, и причастники [1]). Христосъ на миніатюрѣ этой [2]) стоитъ на холмикѣ предъ апостолами, подходящими къ нему слѣва, правою рукою Онъ подаетъ переднему изъ нихъ какой-то округлый предметъ, очевидно частицу евхаристическаго хлѣба, или скорѣе цѣлый небольшой круглый и плоскій хлѣбецъ, вродѣ лепешки, а въ лѣвой рукѣ держитъ сосудъ, ближайшимъ образомъ напоминающій своею формою издаваемое нынѣ блюдо.

На рисункѣ Rohault de Fleury не видно ножки, подобной имѣющейся у описываемаго блюда и

Historique.—Description.—Etude sur l'orfévrerie antique. Ouvrage publié sous les auspices de Sa Majesté le Roi Charles I de Roumanie. Tome I. 3 planches et 253 gravures. Paris. J. Rotschild, éditeur. 1889. in fol. стрр. I—XXIV + 1—514. Я имѣлъ возможность пользоваться изданіемъ этимъ въ библіотекѣ Музея Національныхъ Древностей въ St. Germain en Laye, благодаря любезности г-на S. Reinach'a. Впрочемъ и этотъ каталогъ — не полонъ.

[1]) О такого рода «литургическихъ» изображеніяхъ Тайной Вечери см. Н. В. Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 277 слл.

[2]) См. рисунки ея: старый по Biscioni, (Bibliothecae Mediceae Laurentianae Catalogus. 1752) въ «Сочиненіяхъ Усова, т. II, стр. 176, рис. 17; Garrucci, tav. 137, fig. 2; рисунокъ въ настоящую величину въ L'évangile, études iconographiques et archéologiques par Ch. Rohault-de-Fleury. Tome II. 1874, pl. LXXIII = нашъ рис. 11; онъ-же у Н. В. Покровскаго, Евангеліе, рис. 135, на стр. 277.

у другихъ ему подобныхъ, но мы нашли положительное указаніе на присутствіе ея у Н. В. Покровскаго, изъ словъ котораго къ сожалѣнію не ясно, какую именно форму имѣетъ ножка эта: въ неоднократно цитированномъ нами, фундаментальномъ трудѣ своемъ (Евангеліе, стр. 278) пр. Н. В. Покровскій назвалъ сосудъ этотъ «потиромъ въ видѣ широкой чаши съ маленькою подставкою». Неточный рисунокъ у Garrucci даетъ ножкѣ этой форму обычной у потировъ высокой ножки, обозначая нижній край ея ниже руки Христа, но на детальномъ рисункѣ Rohault de Fleury ничего подобнаго мы не видимъ и поэтому, для рѣшенія вопроса этого по самому оригиналу, мы обратились къ проживающему во Флоренціи Д. Н. Бережкову съ просьбою сличить рисунокъ Rohault de Fleury съ самой миніатюрою и получили въ отвѣтъ сообщеніе, что никакой ножки у сосуда на миніатюрѣ нѣтъ и что рисунокъ Rohault de Fleury въ общемъ вѣренъ; само-же блюдо снаружи желтоватаго цвѣта, внутри бѣлаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тамъ замѣтны какъ-бы остатки линій, раздѣляющихъ одинъ хлѣбецъ отъ другого, хотя ясно разсмотрѣть ихъ и невозможно; хлѣбецъ, или ломтикъ, подаваемый Христомъ апостолу, тоже бѣлый съ краснокоричневымъ контуромъ, около котораго никакихъ точекъ или черточекъ, обозначенныхъ на рисункѣ Rohault de Fleury, на миніатюрѣ не имѣется. Мы рѣшительно не видимъ возможности согласиться съ проф. Н. В. Покровскимъ и другими изслѣдователями [1]) въ наименованіи сосуда этого «потиромъ» или чашею и видѣть, слѣдовательно, во всей миніатюрѣ изображеніе причащенія сразу подъ обоими видами: мы полагаемъ, что здѣсь изображена лишь раздача частицъ хлѣба или даже цѣлыхъ хлѣбцевъ, т. н. «евлогій», которыя Христосъ беретъ по одной изъ блюда, гдѣ приготовлено соотвѣтственное числу причастниковъ количество этихъ частицъ или хлѣбцевъ. Что блюдо это нельзя считать чашею, ясно, какъ изъ самой плоской формы его, при которой жидкость легко могла бы расплескаться, такъ и изъ другихъ древнѣйшихъ изображеній причащенія виномъ, гдѣ чаша всегда изображается гораздо болѣе глубокою и болѣе вмѣстительной: достаточно указать на миніатюру Россанскаго Евангелія [2]). Наконецъ, если бы здѣсь Христосъ изображенъ былъ дающимъ причастіе подъ обоими видами, то Онъ оказался бы причащающимъ одного только передняго апостола, такъ какъ Онъ отдаетъ ему единственный, имѣющійся у Него, хлѣбецъ, а между тѣмъ по смыслу миніатюры ясно, что причастіе должно быть роздано всѣмъ апостоламъ. Поэтому-то мы полагаемъ единственно правильнымъ объясненіе Rohault de Fleury [3]), видѣвшаго здѣсь раздачу лишь одного хлѣба, и, слѣдовательно, блюдо, изображенное въ рукахъ Христа, назначено для этихъ частицъ причастія: хотя ихъ внутри блюда на рисункѣ R. de Fleury и не видно, но Biscioni положительно говорилъ, что сосудъ этотъ полонъ частицъ св. Причастія, и говорилъ, вѣроятно, на основаніи деталей самой миніатюры [4]): поэтому, можетъ быть, на рисункѣ Biscioni внутренность сосуда и разграфлена прямыми наклонно пересѣкающимися линіями. Теперь, однако, этой подробности разсмотрѣть невозможно.

Подтвержденіе такому именно толкованію миніатюры сирійскаго евангелія 586 г. и предположенію о подобномъ-же назначеніи описываемаго сирійскаго блюда мы находимъ еще въ памятникахъ значительно болѣе позднихъ, а именно въ монументальныхъ изображеніяхъ на стѣнахъ церквей Христа, совершающаго литургію. Тогда какъ сосуду, откуда Христосъ вынимаетъ частицы хлѣба, въ извѣстныхъ кіевскихъ мозаикахъ Златоверхомихайловскаго Монастыря придана форма, значительно отступающая отъ разсматриваемыхъ блюдъ и по глубинѣ чаши и формѣ ножки напоминающая потиръ, на нѣкоторыхъ греческихъ композиціяхъ того-же приблизительно времени и того-же содержанія сосудъ этотъ сохраняетъ, однако, свою древнюю форму блюда, не становясь плоскимъ «дискосомъ»

---

[1]) Н. П. Кондаковъ, Исторія византійскаго искусства, стр. 80; французское изданіе, т. I, стр. 140; Усовъ, Сочиненія, т. II, стр. 176; Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst, стр. 367.

[2]) См. рис. въ Сочиненіяхъ Усова, т. II, рис. 6; V. Schultze, Archäologie d. altchr. Kunst, fig. 116.

[3]) L'Evangile, т. II, стр. 185; La Messe, т. IV, стр. 10.

[4]) Garrucci, Vol. III, p. 60....il calice creduto dal Biscioni pisside *buccellis plena*.... Къ сожалѣнію, не смотря на важнѣйшее значеніе для исторіи христіанскаго искусства миніатюръ Евангелія Рабулы, онѣ до сихъ поръ остаются, какъ и миніатюры Россанскаго Евангелія, неизданными автотипически, а потому и приходится въ детальныхъ вопросахъ или гадать или основываться на завѣдомо неточныхъ рисункахъ.

вродѣ современныхъ намъ, какой видимъ на мозаикахъ Св. Софіи Кіевской и какія найдены были въ трехъ экземплярахъ въ С. В. Россіи [1]).

Эти изображенія находятся въ росписяхъ церквей Закавказья и относятся къ XIII и слл. вв.: въ церкви Некреси, въ Кахетіи, на лѣвой рукѣ Христа стоитъ блюдо формы подобной нынѣ издаваемому, наполненное съ верхомъ частицами хлѣба, одну изъ которыхъ Христосъ и подаетъ ап. Петру [2]): вслѣдствіе положенія блюда не видно, имѣетъ-ли оно ножку или нѣтъ, но мы имѣемъ полное право предполагать ее, такъ какъ иначе блюдо это было бы весьма неудобно ставить. Весьма близко по композиціи и, вѣроятно, по времени, къ фрескамъ Некреси изображеніе причащенія Христомъ апостоловъ въ церкви Б. М. въ Ахтала (въ Тифлисскомъ уѣздѣ), построенной въ началѣ XIII вѣка [3]): блюдо въ рукѣ Христа имѣетъ тутъ точно такую-же форму. Нѣсколько иной формы: болѣе глубокое, съ вертикальными краями, блюдо съ частицами хлѣба въ рукѣ Христа въ церкви Грема, въ Кахетіи [4]), иначе Христосъ и держитъ здѣсь это блюдо. Во всякомъ случаѣ примѣры эти ясно свидѣтельствуютъ, что блюда той формы, какую имѣетъ издаваемое сирійское блюдо, употреблялись при раздачѣ евхаристическаго хлѣба еще въ XIII в. у грековъ, хотя, быть можетъ, лишь въ глухихъ провинціяхъ: греческія надписи на указанныхъ фрескахъ грузинскихъ церквей ясно указываютъ на исполненіе ихъ греческими живописцами: если изображеній такого рода блюдъ въ византійскихъ росписяхъ болѣе западныхъ областей не имѣется, то мы вправѣ предположить, что употребленіе ихъ сохранилось къ тому времени лишь въ восточныхъ греческихъ областяхъ: Трапезунтѣ или Малой Азіи вообще. Несторіанская сирійская церковь сохраняетъ и по сіе время древній обычай причащенія подъ обоими видами отдѣльно: «священникъ раздробляетъ просфору на дискосѣ по числу причастниковъ и дискосъ даетъ иподіакону, ... а чашу даетъ діакону и потомъ всѣ трое исходятъ изъ алтаря, ... пріобщающіеся подходятъ прежде къ священнику, который беретъ отъ дискоса частицу и влагаетъ ее прямо въ уста причастника, затѣмъ причастникъ идетъ къ діакону, который пріобщаетъ его черезъ край чаши» [5]). Къ сожалѣнію мы не знаемъ какую форму имѣютъ современные несторіанскіе дискосы: какъ говорено было выше, выносить частицы на плоскомъ дискосѣ едва-ли удобно, такъ какъ онѣ легко могутъ разсыпаться. Такимъ образомъ оказывается большая вѣроятность считать издаваемое сирійское блюдо дискосомъ, служившимъ, согласно древнимъ обрядамъ совершенія литургіи, не только при освященіи свв. даровъ, но и при самой раздачѣ ихъ причастникамъ, чѣмъ и объясняется, какъ указано выше, отличіе формы его отъ теперешнихъ, плоскихъ дискосовъ.

---

[1]) Всѣ три въ собраніи гр. С. Г. Строганова въ С. П. Б. Одинъ найденъ былъ еще въ 1780 году (см. Отчетъ Арх. Коммиссіи, 1878—79, стр. 156), а пара другихъ въ 1878 г. (см. Антропологическая Выставка, т. II, стр. 361 и Отчетъ Импер. Арх. Коммиссіи за 1878—79 гг., стр. 156 и 158 съ рисс. крестовъ, изображенныхъ чернью въ центрѣ ихъ). Къ сожалѣнію клейма, находящіяся на оборотной сторонѣ ихъ, не прочтены; мы думаемъ, что дискосы эти могутъ восходить до VII-го вѣка. Очевидно, что такіе плоскіе дискосы съ удобствомъ могли служить для освященія св. даровъ, но не для раздачи ихъ, т. к. не имѣютъ достаточно высокихъ краевъ. Поэтому то, быть можетъ, въ Св. Софіи Кіевской Христосъ держитъ только одну частицу, прочія-же лежатъ на дискосѣ, стоящемъ на престолѣ.

[2]) См. рис. въ изданіи Caucase Pittoresque, dessiné par M. le prince Gr. Gagarine, pl. XLVIII, и по нему у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLVII. Опредѣленіе времени фресокъ этихъ V в., данное кн. Гагаринымъ, явно невозможно. Н. В. Покровскій (Евангеліе, стр. 281, пр. 1) слишкомъ осторожно относитъ фрески эти ко времени, «не древнѣе VIII в.»; мы замѣнили-бы эту дату вѣкомъ XI или даже XII-мъ.

[3]) О церкви этой и времени ея построенія (можетъ быть ранѣе 1211 г. и несомнѣнно ранѣе 1229 г.) см. журн. Кавказская Старина, изданный А. Д. Ерицовымъ, т. I (и послѣдній), Тифлисъ. 1872, стр. 20—24. Рис. см. у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXI.

[4]) См. рис. у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXII. Мы неувѣрены въ правильности датировки фресокъ этихъ XV вѣкомъ: онѣ кажутся по рисунку старше: едва-ли въ XV в. вмѣсто потира употреблялся кувшинъ, который видимъ также и въ Некреси. Впрочемъ А. С. Хахановъ (Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VII. 1898 г., стр. 3) повидимому объ этой именно церкви (арх. Михаила) говоритъ, что «она была расписана въ XVI в. по повелѣнію царя Леона».

[5]) А. Петровскій, Апостольскія литургіи восточной церкви. Литургіи ап. Іакова, Ѳаддея, Маріи и ев. Марка. СПБ. 1897, стр. 196, пр. 1 и приложенія, стр. 81 сл. По цитируемому имъ-же (стр. 197) свидѣтельству Badger'а, (The Nestorians and their rituals. Vol. II, p. 242) прежде священникъ давалъ частицу въ руки причастника, какъ то и изображается на миніатюрѣ Евангелія Рабулы и на указанныхъ фрескахъ.

Съ меньшею увѣренностью можно догадываться о значеніи тѣхъ трехъ круговъ, на которые разбита поверхность блюда: при видѣ ихъ естественно является предположеніе, что они обозначаютъ мѣста, на которыя должно было полагать при какомъ-либо моментѣ священнодѣйствія три части литургическаго хлѣба или же три цѣлыхъ хлѣбца, но намъ не удалось найдти положительныхъ указаній на существованіе такого именно обряда въ древнемъ несторіанскомъ или какомъ-либо иномъ богослуженіи.

Величина круговъ этихъ однако вполнѣ согласуется съ высказаннымъ предположеніемъ. Судя по рисунку Rohault de Fleury съ миніатюры евангелія Рабулы, въ VI вѣкѣ у православныхъ сирійцевъ Месопотаміи или у грековъ Сиріи [1]), во время причастія раздавались цѣлые хлѣбцы, вродѣ лепешекъ, сходство которыхъ по тонкости ихъ и круглой формѣ съ современными облатками римскихъ католиковъ съ радостью отмѣчаетъ упомянутый изслѣдователь (L'Evangile II, p. 185), относительная же величина ихъ сравнительно съ рукою Христа кажется немногимъ менѣе діаметра трехъ круговъ описываемаго блюда. Просфоры современныхъ сирійцевъ іаковитовъ «есть ничто иное, какъ круглая лепешечка, въ діаметрѣ немного болѣе вершка и тонкая, какъ обыкновенный пряникъ» [2]).

У контовъ просфоры некутся въ видѣ небольшихъ, «0,09 м.» или «3 дюйма» въ діаметрѣ, плоскихъ хлѣбцевъ около дюйма толщиною, такъ что три такихъ просфоры съ удобствомъ могли бы лежать на описываемомъ блюдѣ, если только такой-же формы и размѣра были онѣ и въ древности, какъ то даютъ право предполагать древнія формы, служившія, повидимому, для печатанія узоровъ и надписей на верхней поверхности просфоръ [3]). Въ современной коптской литургіи діаконъ приноситъ священнику на подносѣ три просфоры, изъ которыхъ тотъ выбираетъ одну для совершенія литургіи, во время освященія даровъ просфора дважды разламывается на три части, причащается священникъ тремя частицами ея [4]). Но въ современныхъ обрядахъ сирійскихъ церквей, изложенныхъ покойнымъ еп. Софоніей, мы не находимъ ни употребленія трехъ просфоръ равной величины, ни дѣленія ихъ на три части. У несторіанъ литургія совершается на одной просфорѣ, которая назначается для священника и діакона, число же малыхъ просфоръ, раздѣляемыхъ для причастниковъ, зависитъ отъ числа послѣднихъ; у іаковитовъ каждому причастнику дается одна двѣнадцатая часть просфоры, въ чемъ ясно сохраняется попытѣ аналогія между литургіей и Тайной Вечерью. У іаковитовъ девять частицъ раскладываются на дискосѣ «такъ, что онѣ довольно ясно изображаютъ видъ человѣка распятаго» [5]).

Но современныя литургіи и обряды ихъ совершенія даже въ церквахъ, издавна живущихъ обособленно отъ прочаго христіанскаго міра, все-же не сохраняютъ древнѣйшей практики безъ измѣненій, а потому это несоотвѣтствіе литургическихъ обрядовъ въ современныхъ сирійскихъ церквахъ съ тѣмъ, на что указываетъ, по всей видимости, тройное дѣленіе древняго сирійскаго дискоса, не можетъ еще свидѣтельствовать о невозможности высказанныхъ нами предположеній для обрядовъ сирійской литургіи въ древнее время тѣмъ болѣе, что тройное число хлѣбовъ находимъ мы на нѣсколькихъ древнихъ изображеніяхъ литургическаго характера греческаго происхожденія.

---

[1]) Что евангеліе 586 г. принадлежало православнымъ сирійцамъ, — не несторіанамъ — см. стр. 22 прим. 2; миніатюры рисованы были или грекомъ или по греческимъ оригиналамъ.

[2]) Софонія, Еп. Туркестанскій. Современный бытъ и литургія христіанъ инославныхъ, іаковитовъ и Несторіанъ. СПБ. 1876, стр. 53. Д. Н. Бережову въ миніатюрѣ хлѣбецъ этотъ кажется, однако, ломтикомъ нарѣзаннаго хлѣба, а не цѣльнымъ хлѣбцемъ.

[3]) О современныхъ коптскихъ просфорахъ см. Buttler, The ancient coptic churches of Egypt. Oxford. 1884. Vol. II, стр. и fig. 33; Rohault de Fleury, La Messe. Vol. IV, стр. 28 и pl. CCLXVIII. Два штемпеля для просфоръ (?) описаны Б. А. Тураевымъ въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общества, т. XI. 1898, стр. 123 и 143. На послѣднемъ начальныя буквы Х Н Г есть, конечно, весьма обычная въ христіанскихъ надписяхъ, не объясненная еще удовлетворительно, формула Х М Г.

[4]) Buttler, l. c., стр. 284 и сл.; Smith, Dictionnary of christian antiquities, стр. 686 и 687; Rohault de Fleury, La Messe, IV, стр. 28. Вѣроученіе, богослуженіе, чиноположеніе .... египетскихъ христіанъ (Контовъ) А[рхимандрита] П[оррирія] У[спенскаго]. СПБ. 1856, стр. 138, 146 и 152; ibid. 152, прим.: «у Коптовъ дискосъ имѣетъ видъ глубоковатаго блюда».

[5]) Еп. Софонія, l. c., стр. 371 сл.; 377; 55 и 120.

На двухъ рельефныхъ крышкахъ древнехристіанскихъ саркофаговъ въ Римѣ съ изображеніями тира, вѣроятно евхаристическаго [1]), предъ возлежащими изображены три круглыхъ хлѣба [2]); три круглыхъ хлѣба изображены на какомъ-то граффито Кирхеріанскаго Музея, изданномъ Rohault de Fleury (La Messe, pl. CCLXVI) безъ всякихъ объясненій объ его происхожденіи; но три круглыхъ хлѣба лежатъ поверхъ корзины (или стакана) и поверхъ чаши на двухъ граффити изъ римскихъ катакомбъ, изданныхъ еще Boldetti [3]); наконецъ въ Равеннѣ на мозаичныхъ изображеніяхъ совершенія литургіи Мельхиседекомъ въ церквахъ S. Vitale и S. Apollinare in Classe на престолѣ стоитъ чаша и лежатъ по сторонамъ ея два круглыхъ хлѣба, третій же, подобный, держитъ въ рукахъ самъ Мельхиседекъ, исполняющій здѣсь роль священника [4]); послѣднія изображенія кажутся намъ непреложнымъ свидѣтельствомъ существованія въ древности обряда совершенія литургіи на трехъ хлѣбахъ и, слѣдовательно, подкрѣпляютъ возможность высказанныхъ выше предположеній.

Будемъ надѣяться, что спеціалисты по исторіи христіанскаго богослуженія выскажутъ свое авторитетное сужденіе по этому, чуждому для насъ, вопросу и укажутъ, быть можетъ, иныя болѣе близкія и подходящія аналогіи, чѣмъ тѣ предположенія, которыми могли ограничиться мы при этой попыткѣ найдти реальное основаніе для оригинальнаго раздѣленія круглой поверхности сирійскаго блюда, или дискоса, на три меньшихъ круга.

Въ видѣ приложенія къ настоящему изслѣдованію считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько указаній на иные памятники христіанства въ Месопотаміи, сколь ни малы и незначительны они по величинѣ и значенію въ сравненіи съ изданнымъ теперь сирійскимъ блюдомъ и многочисленными памятниками епиграфическими и литературными, разборъ которыхъ доступенъ немногимъ спеціалистамъ.

Мы имѣемъ въ виду рѣзные камни, служившіе печатями. На сасанидскія печати съ христіанскими сюжетами впервые обратилъ вниманіе M. Chabouillet въ своемъ каталогѣ древностей Національной (тогда Императорской) Библіотеки въ Парижѣ: онъ относилъ ихъ ко временамъ ранѣе гоненія на христіанъ Сапора II въ 340 г., но такое заключеніе, разумѣется, принято быть не можетъ, такъ какъ гоненіе это не искоренило совершенно христіанства въ Персіи; кромѣ того намъ кажется, что изъ трехъ описанныхъ имъ рѣзныхъ камней съ пехлевійскими надписями, едва-ли хоть одинъ имѣетъ несомнѣнно христіанское изображеніе [5]), такъ какъ сидящая женщина съ ребенкомъ на колѣняхъ (№ 1331, рис. у Garrucci, tav. 479, fig. 18) можетъ быть на нашъ взглядъ и не Богородицей, и считать двухъ женщинъ, держащихся за руки, за лобзающихся Б. М. и Елизавету (№ 1332, рис. у Garrucci. tav. 479, fig. 19), мы также не видимъ достаточныхъ основаній, а находящійся между ними полумѣсяцъ со звѣздою указываетъ скорѣе на персидскія, чѣмъ на христіанскія вѣрованія владѣльца этой печати; находящіяся на обоихъ камняхъ пехлевійскія надписи, необъясненныя Chabouillet, рѣшатъ, быть можетъ, вопросъ о предполагаемой принадлежности этихъ печатей персамъ — христіанамъ.

---

[1]) Въ знаменитыхъ, къ сожалѣнію погибшихъ, фрескахъ подземной церковки въ Александріи (см. Bulletino di Archeologia cristiana за 1865 годъ; Garrucci, tav. 105. B. fig. 5) при подобномъ изображеніи пирующихъ находилась надпись: τὰς εὐλογίας τοῦ Χριστοῦ ἐσθίοντες.

[2]) Фрагментъ Кирхеріанскаго Музея: Garrucci, tav. 401, fig. 13; Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLVI; другой — въ криптѣ Св. Петра: Bulletino di archeologia cristiana. 1882, tav. IX.

[3]) См. Garrucci, tav. 487, fig. 5 и 6; Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXXVI.

[4]) Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей. СПБ. 1897, рисс. 36 и 52; Garrucci, tav. 262, fig. 1 и tav. 266, fig. 5; рисунки хлѣбовъ у Rohault de Fleury, La Messe, pl. CCLXVII.

[5]) Catalogue général et raisonné des camées et pierres gravées de la Bibliothèque Imperiale suivi de la déscription des autres monuments, exposés dans le Cabinet des Médailles et Antiques, publié ... par M. Chabouillet, Paris. 1858, стр. 191, №№ 1330—1334; №№ 1333 и 1334 могутъ быть и не персидскаго происхожденія.

На третьемъ камнѣ, не имѣющемъ надписи (№ 1330, рис. у Garrucci, tav. 479. fig. 9), Chabouillet видѣлъ столь излюбленное древнехристіанскимъ искусствомъ изображеніе жертвоприношеніе Авраамомъ Исаака: на рисункѣ этого рѣзнаго камня дѣйствительно видна какъ бы фигура ребенка, лежащая на жертвенникѣ, но грубость работы не позволяетъ придавать этой довольно таки безформенной фигурѣ рѣшающее значеніе, особенно же въ виду ближайшаго сходства въ прочемъ всей этой композиціи съ обычными изображеніями жертвоприношеній на иныхъ сасанидскихъ печатяхъ [1]).

Чаще всего встрѣчаемъ мы на сасанидскихъ рѣзныхъ камняхъ изображенія креста, этой печати и символа христіанства, почитаніе котораго проникло изъ Палестины и Сиріи въ Персію вмѣстѣ съ христіанствомъ и было столь сильно тамъ, что когда самый Животворящій Крестъ Господень попалъ въ руки персидскихъ царей, то они хранили его въ своей сокровищницѣ, очевидно, почитая его могущественнымъ талисманомъ и не рѣшаясь уничтожить этой святыни враждебной имъ религіи, хотя и разрушены были ими въ Іерусалимѣ великолѣпныя постройки Константина Вел. около Гроба Господня.

Пользуемся случаемъ издать здѣсь (см. рис. 1; увеличенъ въ три раза) изображеніе на одной печати Парижской Національной Библіотеки (№ 1331-а), вырѣзанное на сардоникѣ съ двумя разноцвѣтными слоями (т. н. Niccolo), и изображающее христіанское семейство въ молитвѣ передъ крестомъ. Пехлевійская надпись по краю печати содержитъ, по словамъ акад. К. Г. Залемана, обычную на сасанидскихъ печатяхъ формулу благожеланія и имя и отчество владѣльца печати. На печати вырѣзаны погрудныя изображенія владѣльца ея и, очевидно, его жены; оба подняли вверхъ въ молитвенномъ жестѣ, руки съ распростертою ладонью. Въ руку мужчинѣ данъ небольшой крестъ съ расширяющимися концами; молитва обращена, очевидно, къ кресту, помѣщенному вверху въ срединѣ композиціи: концы креста этого расширены поперечными полосками, а на вертикальной перекладинѣ видно, что она и сама расширяется къ концамъ: очевидно это такая-же отдаленная передача декоративнаго креста, стоявшаго на Голгоѳѣ (см. выше стр. 14, прим. 3), какъ и кресты, изображенные на изданномъ здѣсь блюдѣ. Весьма характерно украшеніе этого креста двумя боковыми, расширяющимися къ концамъ изогнутыми придатками, въ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія надо видѣть ничто иное, какъ широкія ленты, которыми на всевозможныхъ памятникахъ сасанидскаго искусства украшаются не только царскія короны и другія части царскаго костюма или убранства, но и разнаго рода животныя и птицы. Эти ленты объясняютъ, какъ священныя повязки маздеизма, называвшіяся Kosti [2]); если это вѣрно, то въ высшей степени интересно, что персидскіе христіане, желая выразить святость и могущество креста, придавали ему эту характерную принадлежность персидскихъ царей и маздеизма. Другой крестъ такой-же формы, но безъ этихъ лентъ, занимаетъ средину нижней части композиціи и помѣщенъ тутъ, вѣроятно, лишь для заполненія мѣста. При видѣ этихъ лентъ, украшающихъ крестъ, является вопросъ, не такое ли значеніе имѣютъ и развѣвающіеся концы по сторонамъ распятаго Христа на сирійскомъ блюдѣ, которые однако можно считать и концами той перевязи, которою привязанъ Онъ ко кресту. Но ни на иныхъ изображеніяхъ Распятія, ни у разбойниковъ на томъ-же блюдѣ ихъ не обозначено. Эти-же ленты на одной печати въ Берлинѣ (Horn und Steindorff, l. c. taf. VI, 1603, ср. тамъ-же стр. 20) помѣщены ниже равноконечнаго креста, не соприкасаясь съ нимъ. На одномъ сасанидскомъ рѣзномъ камнѣ, хранящемся въ Персидской Залѣ Лувра, мы видимъ крестъ подобной-же формы и также съ лентами, надъ боковыми концами котораго помѣщено два кружка, — можетъ быть, означающіе солнце и луну, столь частые въ греческихъ изображеніяхъ Распятія, — и все это помѣщено подъ аркою, опирающейся на двѣ колонны. Хотя и на рѣзныхъ камняхъ, какъ и на иныхъ памятникахъ сасанидскаго искусства, помѣщеніе различныхъ фигуръ въ аркады столь-же обычно, какъ и въ искусствѣ поздне-античномъ,

---

[1]) Напр. на трехъ печатяхъ Берлинскаго Музея; см. рис. въ книгѣ Sasanidische Siegelsteine, herausgegeben von P. Horn und S. Steindorff. Berlin. 1891. taf. I, №№ 1078, 1079, 1080.

[2]) См. Adr. Longpérier, Oeuvres complets. Vol. I, p. 81—82. Odobesco, Gazette Archéologique. 1886 г., стр. 12. Babelon, Le Cabinet des Antiques, стр. 171.

но здѣсь, видя подъ аркадою крестъ, мы вправѣ считать эту арку передачею той сѣни, подъ которою стоялъ декоративный крестъ на Голгоѳѣ[1]). Такой-же формы крестъ, но безъ арки и безъ лентъ, изображенъ на рѣзномъ камнѣ Британскаго Музея (A. R. C. № 521, рис. см. въ Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. VIII. 1853. pl. III, fig. 77): около концевъ креста прибавлено тамъ по кружку съ парою точекъ около нихъ, а вокругъ креста помѣщена надпись, повидимому, сирійская.

Подобная-же надпись сопровождаетъ изображеніе креста, концы котораго расширяются въ видѣ тройныхъ листиковъ, на рѣзномъ камнѣ въ Луврѣ (Персидская Зала) и пехлевійская при подобномъ-же крестѣ въ Берлинѣ (V.A. 1587, см. рис. Horn und Steindorff, o. c. taf. VI). На печати Британскаго Музея[2]) мы видимъ широкій крестъ, не расширяющійся къ концамъ, который стоитъ на горкѣ, переданной полукруглою полосою съ вертикальною внутри ея, такъ что горка эта имѣетъ видъ лежащей буквы ϵ (ϖ), а отъ креста этого расходятся во всѣ стороны лучи. Послѣдняя подробность позволяетъ видѣть тутъ, какъ и на многихъ иныхъ христіанскихъ памятникахъ, изображеніе лучезарнаго креста, явившагося въ Іерусалимѣ въ 346 году на небѣ и протянувшагося отъ Голгоѳы до Масличной горы[3]). Наконецъ на одномъ рѣзномъ камнѣ Британскаго-же Музея (A.R.C. № 111: «Pehlevi crosses») мы имѣемъ повидимому условное изображеніе Голгоѳы съ тремя крестами: кресты эти равно-конечные, но средній помѣщенъ на особаго рода высокой подставкѣ, что напоминаетъ композицію Распятія на сирійскомъ блюдѣ, гдѣ Христосъ гораздо больше разбойниковъ и подножіе Его образовано двумя перекладинами, тогда какъ у нихъ — одною лишь. Схема этихъ трехъ крестовъ на лондонскомъ рѣзномъ камнѣ можетъ быть передана такъ:

Рис. 12. Увеличенный втрое оттискъ рѣзного камня Британскаго Музея.

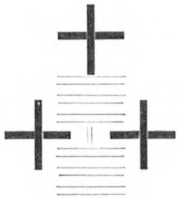


Рис. 13. Увеличенный вдвое оттискъ рѣзного камня Императорскаго Эрмитажа.

Небольшіе крестики при изображеніи различныхъ животныхъ на рѣзныхъ камняхъ указываютъ, очевидно, на христіанство владѣльцевъ этихъ печатей, изображенія же животныхъ и были собственно печатями ихъ: въ Британскомъ Музеѣ (A.R.C. № 183) при крестикѣ изображенъ горный баранъ, въ Берлинскомъ Музеѣ — на одной сасанидской печати — идущій левъ, равно какъ и на другой съ арабскою надписью[4]).

---

[1]) Ср. рельефное изображеніе креста подъ аркою съ пехлевійской надписью на каменной плитѣ, найденной въ 1547 г. на горѣ Ап. Ѳомы близъ Мадраса; см. рисунокъ и литературныя указанія въ The Book of Ser Marco Polo.... by Col. H. Yule. 2-d. ed. 1875. Vol. II, p. 339, 345 и XXI.

[2]) A.R.E. № 903. Cross and Rays. Cornet set in silver ring. Перстень, кажется, новый. Выставлено вверхъ ногами.

[3]) Айналовъ, Мозаики IV и V вѣка, стр. 14; Tobler, Golgatha, стр. 62 и сл.

[4]) Въ залѣ Переднеазіатскихъ Древностей. Abtheilung V. №№ V. A. 1168: идущій левъ съ равноконечнымъ крестомъ надъ нимъ (см. рис. Horn und Steindorff. o. c. taf. Ii. № 1168) и V.A. 1153: идущій левъ надъ нимъ равноконечная крестъ и арабская надпись (см. рис. тамъ же № 1153. арабская надпись, — см. тамъ же стр. 8 — гласитъ, по переводу бар. В. Г. Тизенгаузена: Эль Аваръ ибнъ-Касимъ). Тамъ-же № V. A. 1602 выставленъ и камень, гдѣ между двумя такими-же крестиками (сверху и снизу) находится надпись, скорѣе, судя по виду ея, пехлевійская, чѣмъ «монгольская», каковою называетъ ее этикетка.

www.library.chersonesos.org

Весьма обычную въ древнехристіанскомъ искусствѣ сцену Данінла во рву львиномъ, которую мы видѣли уже на изданномъ здѣсь блюдѣ, видимъ мы на одномъ рѣзномъ камнѣ Британскаго Музея [1]) (см. рис. 12), гдѣ изображена человѣческая фигура въ длинной одеждѣ, — чѣмъ и представляетъ она любопытную аналогію изображенію Данінла на изданномъ здѣсь сирійскомъ блюдѣ, — съ воздѣтыми вверхъ въ позѣ оранта руками, лице обернуто въ профиль, какъ то обыкновенно дѣлается для ясности рисунка на рѣзныхъ камняхъ и монетахъ, по сторонамъ два лежащихъ льва, помѣщенныхъ вертикально, головами внизъ, очевидно, вслѣдствіе помѣщенія всего изображенія въ круглое поле: такъ-же очень часто изображаются верблюды на глиняныхъ, круглыхъ амнулахъ съ изображеніемъ Св. Мины [2]). Ту-же самую сцену можно, кажется, видѣть на красномъ четыреугольномъ камнѣ Императорскаго Эрмитажа (Витр. VI. 4. № 21; см. рис. 13): по срединѣ стоитъ нагая — каковымъ изображался обыкновенно Данінлъ на древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ — фигура съ воздѣтыми вверхъ въ молитвенной позѣ руками и двумя львами по сторонамъ, изображенными въ тѣхъ-же позахъ, какъ и на лондонскомъ камнѣ; однако изображеніе столь грубо и неясно, что не видя распростертыхъ ладоней можно считать человѣка этого держащимъ обѣими руками львовъ за хвосты, поднявъ ихъ вверхъ и, слѣдовательно, объяснять всю сцену, какъ изображеніе какого-либо изъ многочисленныхъ восточныхъ сказаній о борьбѣ богатырей съ дикими звѣрями. Но мы предпочитаемъ видѣть тутъ Данінла. Съ меньшею увѣренностью можно считать изображеніемъ Данінла на рѣзномъ камнѣ Британскаго Музея (A.R.E. № 833, см. рис. 14) юнаго человѣка, который спокойно стоитъ съ крестообразно распростертыми руками между двумя прыгающими на него львами, такъ какъ эта композиція, вполнѣ подходящая для христіанскаго изображенія Данінла, осложняется серпомъ мѣсяца и звѣздою надъ нею и парою лежащихъ козловъ ниже ея. Изображеніе на одной арабской каменной печати Императорскаго Эрмитажа (Витрина. безъ №, см. рис. 15), сопровождаемое надписью, которая, по мнѣнію бар. В. Г. Тизенгаузена, содержитъ, повидимому, имя и отчество и то и другое необыкновенныя и поэтому не могли быть увѣренно прочтены имъ), несмотря на всю грубость работы ясно передаетъ желаніе мастера изобразить богатыря, удушающаго сразу двухъ львовъ. Если такъ-же понимать и значеніе композиціи лондонской печати (см. рис. 14), то положеніе рукъ, изображеннаго на ней человѣка, надо будетъ объяснять не крестообразною позою Данінла во рву львиномъ, а движеніемъ богатыря, схватившаго за чубы обоихъ набросившихся на него львовъ, но недостаточная ясность въ передачѣ рукъ его не позволяетъ увѣренно принять ни то, ни другое объясненіе; намъ болѣе вѣроятнымъ кажется второе.

Рис. 14. Увеличенный втрое оттискъ рѣзного камня Британскаго Музея.

Рис. 15. Увеличенный вдвое оттискъ рѣзного камня Императорскаго Эрмитажа.

Эта композиція, могущая быть объясняема двояко, представляетъ близкое сходство съ изображеніями на двухъ замѣчательныхъ шелковыхъ тканяхъ, которыхъ мы въ виду ихъ несомнѣнно восточнаго, быть можетъ также месопотамскаго, происхожденія и позволяемъ себѣ здѣсь коснуться.

---

[1]) Assyrian Room. Витрина E. № A. R. C. 249. «Female and two lions».

[2]) Такъ-же изображены львы при Данінлѣ на рѣзномъ камнѣ греческой работы: Garrucci, tav. 478, fig. 25, на прекрасномъ византійскомъ cameo Императорскаго Эрмитажа изъ собранія принца Орлеанскаго, на меровингской поясной пряжкѣ (см. рис. въ словаряхъ Martigny и Kraus'a подъ сл. Daniel) и т. д.

Небольшой кусокъ одной ткани (см. рис. 16) найденъ былъ въ 1845 г. аббатомъ А. Мартеномъ въ ризницѣ женскаго монастыря св. Вальбурги въ баварскомъ городкѣ Eichstaedt'ѣ[1]), большій кусокъ — состоящій изъ четырехъ круговъ съ одинаковыми изображеніями — другой ткани (см. рис. 17) хранится подъ именемъ савана св. Виктора въ соборной ризницѣ во французскомъ городѣ Sens (департаментъ Yonne)[2]).

Рис. 16. Изображеніе Даніила на шелковой ткани въ монастырѣ Св. Вальбурги въ Эйхштедтѣ (Баварія).

Несмотря на близкое сходство обѣихъ тканей, какъ по сюжету изображеній, такъ и по общему характеру рисунка, Ch. de Linas, относя первую изъ нихъ къ X или XI в.[3]), вторую находилъ однако возможнымъ приписывать VI вѣку.

Однако такая датировка едва-ли можетъ быть принята, гораздо болѣе вѣроятнымъ кажется намъ отнесеніе ткани этой, — равно какъ и ткани Эйхштедтской, — къ болѣе позднему времени: Мартенъ относилъ Эйхштедтскую ткань приблизительно вѣку къ X-му, въ чемъ соглашается съ нимъ и Ch. de Linas и другіе; «саванъ св. Виктора» Gay опредѣлялъ IX или X в.; Schlumberger относитъ его «приблизительно къ X-му вѣку», а Gaussen — вопросительно къ XII-му. Едва-ли возможно безъ спеціальнаго изученія оригиналовъ опредѣлить ткани эти хронологически.

Какъ общій характеръ работы, такъ и выборъ цвѣтовъ, и особенно типъ лица на ткани Sens'a представляетъ близкое сходство съ человѣческими изображеніями на многихъ древнихъ тканяхъ.

---

[1]) Mélanges d'archéologie . . . par Ch. Cahier et Arthur Martin, vol. II. Paris. 1851. pp. 249—250; pl. XVIII, въ краскахъ: фонъ фіолетовый, изображенія вытканы желтыми, зелеными и серебряными нитками. Кусокъ этотъ приписывался повидимому къ числу реликвій св. Виллибальда, извѣстнаго паломника въ Св. Землю, епископа Эйхштедскаго и брата св. Вальбурги, умершаго въ 786 г. Fischbach (Die Geschichte der Textilkunst. Hanau. 1888, стр. 54) сообщаетъ, что ткань эта служила нѣкогда внутреннею оклейкой переплета.

[2]) A. Gaussen. Portefeuille archéologique de Champagne. Bar-sur-Aube. 1861: Tissus et broderies, pl. 4 въ краскахъ: фонъ коричневатый, рисунокъ изъ желтоватыхъ, черныхъ и бѣлыхъ нитей; цинкографія по этой таблицѣ у Schlumberger. L'épopée byzantine. Paris. 1896, на стр. 405; гравюры — въ Gazette des Beaux Arts. XXI année. 1880, t. XXI, стр. 247, и у V. Gay. Glossaire archéologique. Vol. I, стр. 570 = нашъ рис 17. О ткани этой Ch. de Linas: во II-мъ т. Revue des Societés Savantes (намъ недоступномъ) и въ VII т. Archives des Missions Scientifiques. 1858, стр. 17 сл.; его заключенія о времени ткани принимаютъ и A. de Montaiglon (Gazette des Beaux Arts. l. l.) и E. Chartraire въ его Inventaire du trèsor de l'église primitiale et métropolitaine de Sens. Paris. 1897.

[3]) Anciens vêtements sacerdotaux . . . conservés en France. Paris. 1860, стр. 16.

Самъ Линасъ отмѣтилъ близкое сходство между этою тканью и византійской тканью съ изображеніемъ цирковаго желтолицаго возницы, въ которомъ онъ слишкомъ поспѣшно увидалъ Порфирія Ливійца, извѣстнаго константинопольскаго возницу V и VI вѣка[1]); подобное-же лице видимъ и у возницы на другой византійской ткани, принадлежавшей нѣкогда собранію Liénard'a въ Verdun'ѣ[2]); A. de Montaiglon отмѣтилъ сходство «савана Св. Виктора» съ тканью, изображающею двухъ всадниковъ въ византійскомъ костюмѣ по сторонамъ дерева[3]).

Къ этимъ тканямъ весьма близки и двѣ великолѣпныхъ ткани Берлинскаго Музея Художественной Промышленности съ изображеніями сасанидскихъ царей, скачущихъ на охотѣ верхомъ на фантастическихъ животныхъ. Объ эти ткани до сихъ поръ неизданы, описанія же и опредѣленія ихъ Линасомъ (Orfévrerie, II, p. 490 сл.) и Карабачкомъ (Die Persische Nadelmalerei Susandschird, стр. 78, прим. 36) слишкомъ кратки и едва-ли могутъ считаться окончательными. Оба изслѣдователя считаютъ ткани эти сасанидскими, а Карабачекъ даже приписываетъ ихъ времени Іездегерда III, между тѣмъ какъ детали одеждъ всадниковъ византійскія: на хитонахъ видны вертикальныя вшивныя полосы (στίχοι), какихъ на персидскихъ изображеніяхъ Сасанидовъ мы не встрѣчаемъ; головные уборы дѣйствительно подражаютъ сасанидскимъ, но точно такихъ мы ни на персидскихъ монетахъ, ни на серебряныхъ блюдахъ не находимъ, наконецъ самая фантастичность композицій исключаетъ на нашъ взглядъ возможность видѣть тутъ реальныя изображенія царей: если мастеръ и хотѣлъ изобразить Сасанидовъ, то Сасанидовъ преданій, а не современности.

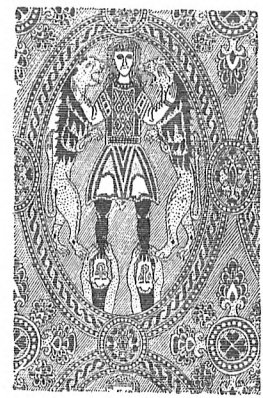


Рис. 17. Изображеніе Даніила на шелковой ткани въ соборѣ города Sens (Франція).

Поэтому мы не видимъ нужды, и даже возможности, считать ткани эти персидскимъ (по Карабачку даже непремѣнно Ктесифонтскимъ) произведеніемъ времени Сасанидовъ: онѣ могли быть изготовлены и въ предѣлахъ византійской имперіи и во времена послѣ паденія династіи Сасанидовъ, но могли быть также и произведеніемъ месопотамскихъ мастеровъ временъ арабскаго владычества[4]). Вообще до тщательнаго сравнительнаго изученія всѣхъ этихъ древнихъ шелковыхъ тканей какимъ-либо спеціалистомъ едва-ли можно дерзать точно опредѣлять время и мѣсто происхожденія, — но несомнѣнно восточное, — интересующихъ насъ тканей. Приблизительно-же

---

[1]) Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, т. II, см. стр. 237 и 488. Изданія ткани этой намъ неизвѣстно. Цвѣтъ лица возницы на ткани едва-ли можетъ имѣть какое-либо значеніе: во Флоренціи въ Museo Nazionale есть обрывокъ шелковой ткани, гдѣ у юнаго всадника въ византійскомъ костюмѣ, стоящаго около дерева (ср. ниже прим. 3), лице, повернутое en face, выткано синими нитями; конечно не потому, что имѣли въ виду изобразить негра.

[2]) Издана въ краскахъ Линасомъ въ Notice sur cinq anciennes étoffes, pl. V et VI: Mémoires lus à Sorbonne: 1866, гдѣ возницу онъ считалъ императрицею и сравнивалъ съ монетными изображеніями Евдоксіи, жены Романа II (944 г.); позднѣе (Orfévrerie cloisonnée. II, стр. 237 и 490) онъ исправилъ свою ошибку, продолжая относить ткань къ концу IX вѣка.

[3]) Принадлежала церкви въ Moissac (или Mauzat): см. Bulletin de la Soc. des Antiquaires de France. 1880, стр. 51; нынѣ находится въ коллекціи P. Blanchet и издана въ книгѣ его: Notice sur quelques tissus antiques et du haut moyen âge jusqu'au XV siècle. Paris. 1897. in f°, — намъ недоступной, — см. рис. въ Revue de l'art Chrétien. 1898. Tome IX, p. 156. Флорентійскій обрывокъ происходитъ, повидимому, отъ подобной-же ткани.

[4]) Ch. de Linas сасанидскою-же считалъ и ткань съ изображеніемъ двухъ охотниковъ въ высокихъ тіарахъ, хранящуюся въ ц. Св. Амвросія въ Миланѣ (Orfévrerie, II, p. 234 и таблица), но теперь, по поводу недавней находки подобной-же ткани въ гробницѣ Св. Куніберта въ Кельнѣ, Schnütgen (Zeitschrift für christliche Kunst. XI. 1898, s. 228 сл. съ таблицей) болѣе осторожно допускаетъ изготовленіе тканей этихъ и въ арабское уже время. Оригинальные ступенчатые орнаменты на ковѣ одного изъ берлинскихъ Сасанидовъ близкую аналогію себѣ имѣютъ на изображеніи единорога въ греческомъ лицевомъ Физіологѣ XI—XII в. въ Смирнѣ (см. Арх. Изв. и Зам. 1898, стр. 34).

ихъ можно, кажется, относить къ VIII—X вѣку, а потому онѣ дѣйствительно могутъ служить иллюстраціей къ извѣстію Libri Pontificalis, указанному еще Мартеномъ, о шелковыхъ тканяхъ «cum historia Danielis», пожертвованныхъ папою Григоріемъ IV (827—843). Впрочемъ не всѣ, писавшіе о разсматриваемыхъ тканяхъ, согласны относительно такого значенія изображеній на нихъ.

Противъ такого объясненія возставалъ Линасъ[1]): по его мнѣнію на ткани Sens'а изображенъ варваръ, брошенный въ циркѣ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ: «онъ оттолкиваетъ ихъ энергическимъ жестомъ, схвативъ за гриву; боль, которую причиняютъ ему впившіеся ему въ тѣло ногти, написана у него на лицѣ»..... «два хищныхъ звѣря.... схватили его за ноги»,..... на эйхштедской-же ткани Линасъ видѣлъ «мученика на аренѣ амфитеатра, какъ указываютъ на то нимбъ и львы, которые едва-едва царапаютъ его крестообразно распростертыя руки». Противъ отождествленія обѣихъ фигуръ съ Даніиломъ Линасъ приводилъ то, что онъ никогда не видалъ на древне-христіанскихъ памятникахъ изображеній Даніила въ нимбѣ и съ серьгами, какъ на эйхштедской ткани, или въ костюмѣ варвара, какъ на саванѣ св. Виктора.

Но возраженія эти не выдерживаютъ критики: присутствіе или отсутствіе нимба особого значенія не имѣетъ; варварская одежда усвоялся Даніилу, какъ обитателю Месопотаміи, очень часто, причемъ онъ, какъ и волхвы и три отрока въ пещи, одѣвается въ персидскій костюмъ. Равнымъ образомъ и серьги носимы были въ сасанидской Персіи и мужчинами[2]), а потому онѣ могли быть приданы и Даніилу, особенно-же, если ткань эта происходитъ изъ самой Месопотаміи.

Сверхъ того намъ кажется, что на обѣихъ тканяхъ человѣкъ вовсе не борется съ поднявшимися на него львами: относительно эйхштедской ткани это замѣтилъ и самъ Линасъ, но и на рисункѣ ткани Sens'а также ясно видны всѣ пальцы обѣихъ рукъ, чего, конечно, не было-бы если-бы мастеръ желалъ изобразить борца, наконецъ и самая спокойная поза человѣка вовсе не соотвѣтствуетъ предположенію Линаса о борьбѣ со львами. Различія въ положеніи рукъ, вытянутыхъ горизонтально на ткани Эйхштедта и согнутыхъ въ локтяхъ на ткани Sens'а, не достаточно, чтобы придавать позѣ разное значеніе: и то и другое положеніе ихъ одинаково пригодны для позы «оранта» и одинаково подходятъ къ выраженію Св. Григорія Богослова о Даніилѣ, «побѣдившемъ звѣрей распростертыми руками» (χειρῶν ἐκτάσει τοὺς θῆρας νικήσαντα: Похв. сл. Св. Кипріану. I, гл. X. Migne. P. Gr. т. 35, ст. 1181).

Судя по таблицѣ Мартена, гдѣ въ нижней части другого овала показана горизонтальная полоса, на ткани Эйхштедта не было второй пары львовъ, которая представлена на ткани Sens'а въ такомъ странномъ раккурсѣ. Во всякомъ случаѣ и на той и на другой ткани звѣри вовсе не нападаютъ со своей свирѣпостью на спокойно стоящаго между ними человѣка: они слегка лишь касаются его своими когтями: львы, стоящіе на дыбахъ, положили лишь свои лапы на руки человѣка, а львы, лежащіе у ногъ, скорѣе гладятъ, чѣмъ терзаютъ ихъ.

Въ этомъ отношеніи близкую и интересную аналогію разсматриваемымъ композиціямъ представляетъ изображеніе Даніила на одномъ замѣчательномъ рельефѣ изъ Абхазіи, хранящемся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и относимомъ къ VII—VIII вѣку[3]). Даніилъ изображенъ тамъ также въ позѣ оранта, но руки его воздѣты горѣ, около него также четыре льва: два изъ нихъ

---

[1]) Archives des Missions, l. c., стр. 17 и 18.

[2]) См. царей на указанныхъ выше сасанидскихъ блюдахъ; ср. разсказъ Прокопія (de Bello Pers. I. 4; см. переводъ и комментаріи Дестуниса въ Запискахъ Ист. Филол. Фак. СПБ. Унив., т. I, стр. 39 и 41) о жемчужной серьгѣ въ правомъ ухѣ Фируза; ср. Моисея Хоренскаго II. 47 (пер. Эмина) о пожалованіи одному вельможѣ царемъ Арменіи права носить пару золотыхъ серегъ и одинъ красный сапогъ, очевидно, въ знакъ вассальной зависимости. [Не таково-ли происхожденіе и нашего обычая ношенія мужчинами одной лишь серьги?]. См. также интересный разсказъ одного сирійскаго житія V вѣка, гдѣ мальчику Еврею, ставшему христіаниномъ, товарищи вдѣваютъ серьгу въ одно ухо: месопотамскіе христіане, слѣдовательно, не отказывались отъ мѣстнаго обычая ношенія серегъ мужчинами въ пользу еврейскаго и греческаго взгляда на унизительность его для достоинства мужчины: см. Analecta Bollandiana т. V. 1886, стр. 14.

[3]) См. изданія его гр. П. С. Уваровой. Матеріалы по Археологіи Кавказа. Вып. IV, табл. VII и Д. В. Айналовымъ въ Археологическихъ Извѣстіяхъ за 1895 г., табл. III, стр. 233 слл.

припали къ ногамъ пророка, и, можетъ быть, лизали ихъ[1]), другая-же пара звѣрей, стоящихъ на заднихъ лапахъ, охватываютъ лапами съ довольно дружелюбнымъ видомъ концы плаща, спадающіе съ обѣихъ плечъ юнаго пророка, одѣтаго въ одежду, которая широкимъ поясомъ, оторочкою ворота и вертикальными полосами на груди напоминаетъ одежды человѣка на разсматриваемыхъ тканяхъ, но одежда на рельефѣ была, кажется, гораздо длиннѣе. Должно упомянуть еще о существованіи въ восточно-христіанскомъ искусствѣ типа изображеній Даніила, гдѣ на «оранта» прыгаютъ съ обѣихъ сторонъ львы, какъ на рѣзномъ камнѣ, изданномъ на рис. 14[2]). Такимъ образомъ намъ думается, что если композиціи обѣихъ восточныхъ тканей, столь сходныя между собой, и представляютъ нѣкоторыя отличія отъ обычныхъ изображеній Даніила во рву львиномъ на древне-христіанскихъ памятникахъ запада, то отсюда еще никакъ не слѣдуетъ выводить невозможность, чтобы на тканяхъ этихъ представленъ былъ Даніилъ; напротивъ того, композиціи эти сами по себѣ вполнѣ допускаютъ такое именно толкованіе ихъ, а указанныя аналогіи восточныхъ памятниковъ кажутся намъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы перенздать здѣсь обѣ эти композиціи, какъ интересныя аналогіи, можетъ быть, даже месопотамскаго-же происхожденія, хотя, вѣроятно, и болѣе позднія, чѣмъ изображенія Даніила на изданномъ сирійскомъ блюдѣ и на лондонскомъ и эрмитажномъ рѣзныхъ камняхъ (рис. 12 и 13).

Считая композиціи тканей этихъ за изображенія Даніила, мы должны однако привести еще мнѣніе A. de Montaiglon'a[3]), который видѣлъ въ сценѣ этой сасанидское изображеніе царя, побораюшаго львовъ, сюжетъ, который восходитъ до древне-ассирійскаго искусства. Дѣйствительно такого рода изображеній въ древне-восточномъ, а оттуда и въ древне-греческомъ искусствѣ можно указать множество, на многихъ даже побораемые звѣри или чудовища изображаются также парами, можно наконецъ указать разсказъ подобнаго-же содержанія изъ сасанидскихъ временъ: извѣстный разсказъ о томъ, какъ Бахрамъ Гуръ добылъ себѣ корону отъ двухъ дикихъ львовъ[4]), но подробности его не сходятся съ изображеніями тканей; равнымъ образомъ отсутствіе какихъ-либо головныхъ уборовъ не позволяетъ видѣть въ изображенныхъ на тканяхъ фигурахъ — царей; наконецъ, какъ мы уже говорили, позы ихъ вовсе не походятъ на позы борцевъ, а потому относительно тканей этихъ объясненія, предложенныя Линасомъ и Монтеглономъ, кажутся намъ не состоятельными.

Другое дѣло вопросъ о томъ, насколько въ этихъ композиціяхъ, которыя мы считаемъ за изображенія Даніила, и въ другихъ несомнѣнныхъ его изображеніяхъ могли отразиться болѣе древніе типы миѳическихъ и реальныхъ схватокъ героевъ съ дикими звѣрями: на ахеменидскихъ рельефахъ царь, схватившій льва лѣвою рукой за челку и пронзающій ему брюхо мечемъ, изображается почти столь-же спокойнымъ, какъ и Даніилъ во рву львиномъ; весьма обычная въ декоративномъ искусствѣ,

---

[1]) Эти части рельефа сломаны. Интересно, что эта обыкновенная на восточныхъ памятникахъ (см. выше рис. 12 и 13 и прим. 1-ое на стр. 39) поза преклоняющихся львовъ на одномъ западномъ варварскомъ рельефѣ истолкована была такъ, что львы лакаютъ воду изъ озера, явившагося тутъ вслѣдствіе безграмотности и невѣжества, см. Monumentos Architectonicos de Espana. Estilo latino-bizantino. Церковь San Pedro (Nave. Prov. di Zamora), рельефъ сопровождается надписью: ubi Daniel missus est in lacum (sic!) leonum; изображеніе воды въ видѣ спиральныхъ волнъ не оставляетъ сомнѣнія въ пониманіи слова этого мастеромъ. Греческое слово λάκκος ошибочно переведено черезъ lacus и въ Breviarium Romanum — см. Schultze, Archäologie s. 184—185.

[2]) Мы имѣемъ въ виду рельефъ на капители пилястры алтарной арки въ развалинахъ церкви, вѣка VI-аго, у дер. Чаршакъ, близъ Нефшаира (въ древн. Каппадокіи), зарисованный нами въ 1895 году: значеніе рельефа несомнѣнно по присутствію Аввакума, несомаго за волоса ангеломъ. Ср. изображенія на капителяхъ романскихъ церквей, напр. Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques. 1892, стр. 374, рис. 7; (ср. тамъ-же стр. 369, рис. 1).

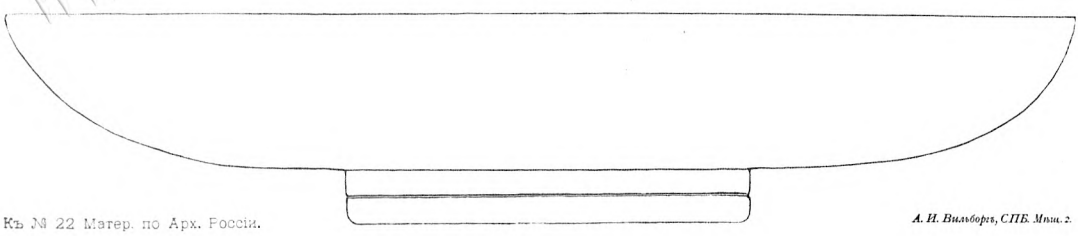
[3]) Gazette des Beaux Arts. XXI année. 1880. II, стр. 246 сл.: Le rôle des deux grands lions dressés contre le personnage qui les arrête du bras, celui de deux autres qui, des griffes de leurs pattes de devant, attaquent ses pieds de leur colère impuissante, auraient dû donner une autre idée. C'est n'est ni le prophète juif, ni le soldat romain, c'est un souvenir sassanide du roi dont la force anéantit la force et la rage des lions. C'est le thème bien connu des grands colosses de Khorsabad, qui se trouve si fréquemment sur les cylindres gravés, et qui devait se trouver tout aussi souvent sur les étoffes.

[4]) См. Geschichte der Perser etc. Tabari, übers. von T. Nöldeke, стр. 97; Le livre des rois par .... Firdausi. trad. par J. Mohl, in 8°, т. V, стр. 438 слл.

особенно на тканяхъ, строгая симметрія композицій легко могла создать фигуру, стоящую en face и держащую обѣими руками львовъ за челку или за горло: такая композиція дѣйствительно была-бы очень близка къ обѣимъ указаннымъ тканямъ, но надо думать, что въ такой композиціи руки были бы изображены иначе. За то эта возможность и вѣроятность существованія въ сасанидскомъ и вообще восточномъ искусствѣ композицій, сходныхъ въ общемъ съ христіанскими изображеніями Даніила, но имѣвшихъ совсѣмъ иное значеніе, не позволяютъ намъ рѣшительно судить о значеніи изданной выше лондонской печати (рис. 14): на ней невозможно разсмотрѣть достаточно ясно положеніе рукъ, чтобы рѣшить, богатырь-ли это душитъ набросившихся на него дикихъ звѣрей, или-же пророкъ воздѣваетъ длани къ небу, моля Бога, чтобы Онъ «затворилъ уста львовъ». (Дан. VI, 18 и 22).

www.library.chersonesos.org

Натур. велич.



А. И. Вильборгъ, СПБ. Мтш. г.

Поправки и дополненія.

Стр. 7 строка 4 снизу вмѣсто **времени** читай **времена.**
Стр. 12 прим. 10 » **примѣровъ** » **примѣровъ.**
Стр. 19 прим. 1 » pl. XXVI » pl. XXIX.
Стр. 20 прим. 3 въ строкѣ 8-ой снизу послѣ слова **говоритъ** прибавь **апостоламъ.**
Стр. 22 прим. 3 вмѣсто **1885 г.** читай **1895 г.**
Стр. 23 прим. 1, 4 и 5 вмѣсто **le Blan** должно быть **Le Blant.**
Стр. 27 прим. 6 пропущено въ концѣ 1-ой строки **пр. Н. П. Кондаковъ.**
— — прим. 8 вмѣсто VI читай IV.
Стр. 29 строка 4 снизу вмѣсто **во Франціи** должно быть **въ Швейцаріи.**
Стр. 39 строка 17 снизу вмѣсто **Витрина** читай **Витрина R,**
Стр. 39 строка 14 снизу вмѣсто **и** въ началѣ строки поставь скобку: (

Къ стр. 12 строками 13 и 12 снизу — Третья подобная пиксида 967 года пріобрѣтена недавно Лувромъ: см. Gazette des Beaux Arts. 1898 г. Vol. XX, p. 488 ss., pl. ad p. 490.

Къ стр. 19 строки 6—10. Чертежъ гробницы 195 г. по Р. Х. (надпись у Waddington'a № 2700) съ такимъ-же затворомъ въ Хатурѣ въ Сѣв. Сиріи, см. у M. de Vogué. La Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse p. 118, fig. 39.

Къ стр. 21 строкѣ 12 снизу: Вмѣсто 645 г. мозаики купола св. Софіи Солунской должно датировать IX вѣкомъ: см. статьи Е. К. Рѣдина и Я. И. Смирнова въ Византійскомъ Временникѣ за 1899 годъ.

Къ стр. 22 прим. 5: Весьма сходный съ крестомъ этимъ крестъ хранится въ ризницѣ одного изъ армянскихъ монастырей Закавказья, что косвенно подтверждаетъ предположеніе наше о восточномъ происхожденіи палестринскаго креста. См. фотографію — къ сожалѣнію безъ указанія на мѣсто нахожденія креста — въ архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи. Дѣло № 61, 1893 года. Однако на крестѣ этомъ Христосъ представленъ былъ, повидимому, съ усами и бородой: теперь лице сильно стерто.

Къ прим. 8 на стр. 28. Въ Archaeologia, LV, p. 534 издано вновь пріобрѣтенное Британскимъ Музеемъ блюдо, не входившее въ составъ коллекціи Franks'a.

Къ прим. 4 на стр. 33. Миніатюры Россанскаго Евангелія изданы теперь A. Haseloff'омъ въ особой книгѣ: Die Miniaturen der griechischen Evangelien-Handschrift in Rossano. Leipzig-Berlin. 1898.

Къ прим. 4 на стр. 34. «Царь Леонъ» — Левонъ II (1520—1574), см. Вейденбаумъ. Путеводитель по Кавказу. 1888 г. стр. 387.

Къ прим. 4 на стр. 41. О смирнской рукописи см. О. Ѳ. Вульфа въ III томѣ «Извѣстій Русск. Археол. Институт. въ Константинополѣ», стр. 202 сл. и предстоящее вскорѣ изданіе ея І. Стржиговскимъ во II томѣ изданія: «Byzantinisches Archiv... herausgegeben von Karl Krumbacher Leipzig. Teubner.

www.library.chersonesos.org